ПИОНЕР

1928 год

4

КАК НЕ НАДО ВОЕВАТЬ

(НЕКОТОРЫЕ ПРАВДИВЫЕ ФАКТЫ ИЗ РАБОТЫ ПИОНЕР-ОТРЯДОВ)

Рис. Б. Покровского

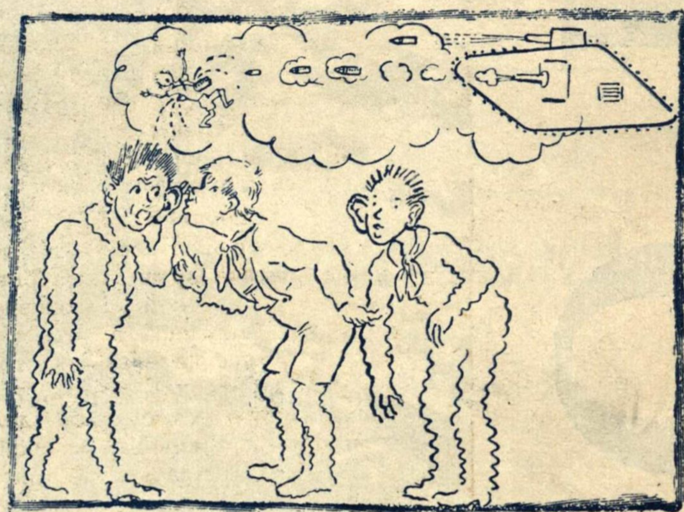
Наш вожатый, как жираф,
Ходит кверху нос задрав.
Ребята усмехаются
Ромбам удивляются.

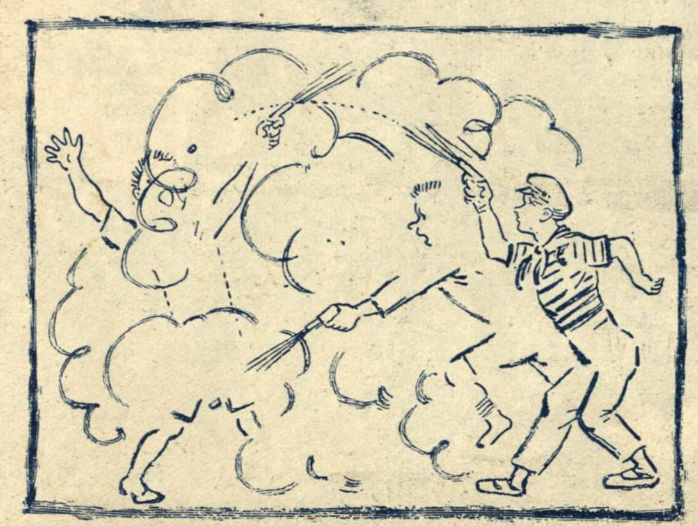
Пионеры Чемберленам
Крушат головы поленом,
Но своя-то голова
Пробивается сперва (для опыта, очевидно).

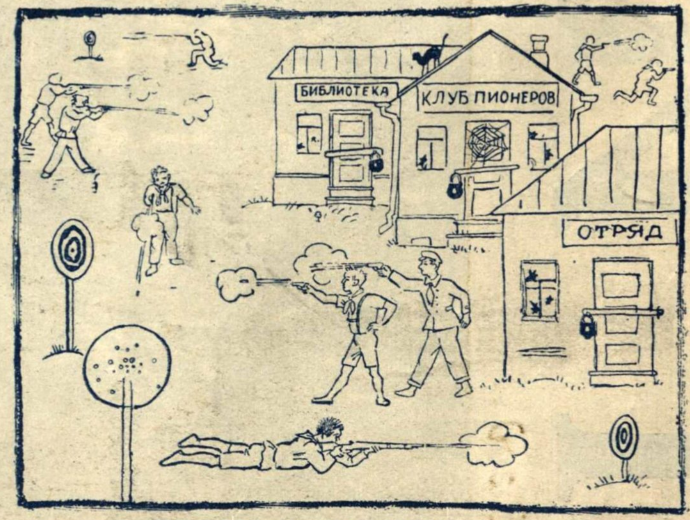
Ешь вожатого глазами,
Провожай его ноздрями.
Слушай, братцы, мой приказ—
Не спускай с начальства глаз!

Слухи ходят между нами
С очень длинными ушами:
Танк по улице ходил
Гриппом Петьку застрелил.

Мы стреляем динамитом,
Газом, пробками, ипритом,
Дикой местью трепеща,
Но пока... из пугача.

Мы стреляем, мы стреляем,
Клуб и школу запираем,
И отчаянно орет
Клубный житель Чемберкот.

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На 12 м. — 3 р. — к.
» 6 » — 1 » 60 »
» 3 » — » 85 »
» 1 » — » 30 »

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ
Москва, Нов. площ., 6/8.
Издательство «Молодая Гвардия»

ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА при ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ при МК ВЛКСМ и НАРКОМПРОСА

№ 4 ФЕВРАЛЬ 1928 г.

ВСЕМ ЮНЫМ ПИОНЕРАМ И ДЕТЯМ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

ПРОЧЕСТЬ ВО ВСЕХ ОТРЯДАХ И ФОРПОСТАХ

Славная Рабоче-Крестьянская Красная Армия 23 февраля празднует свой десятилетний юбилей.

Вы живете в грозные времена, когда капиталисты хотят напасть на нас. Они открыто готовят войну против нашего пролетарского государства.

Красная армия, под руководством своего вождя — Всесоюзной Коммунистической Партии (б), при содействии всех трудящихся страны, стала несокрушимой силой. Эта вооруженная сила сумеет с оружием в руках отстоять дело строительства социализма в СССР.

Пионеры! В день десятой годовщины Красной армии проверьте, что вы сделали по военной подготовке. Все ли вы начали активно обучаться военному делу? Хорошо ли в ваших отрядах проводится санитарная работа, топография, сигнализация, стрелковое дело? Знакомы ли вы с жизнью, учебой и бытом Красной армии? Твердо ли вы запомнили историю героических побед Красной армии над белогвардейцами?

Пусть десятилетие Красной армии послужит началом организации новых военных уголков в отрядах и школах. Создавайте новые стрелковые кружки. Старшие пионеры, идите на курсы по топографии, первой помощи, военно-химическому делу, сигнализации и т. д. Широко распространяйте среди всех детей походы и военные игры.

Пусть пионеры, а за ними и все дети Советского Союза будут сознательно и организованно участвовать в укреплении обороны страны.

Отмечайте день Красной армии посещением воинских частей, устраивайте специальные детские утренники и вечера, посвященные нашим защитникам — красным воинам. Открывайте выставки, показывающие достижения пионеров в деле военной подготовки.

Пионеры! Все, как один, вместе со всеми детьми на демонстрацию!

Пионеры! Ближе к Красной армии!

Пионеры! Приобретайте военные знания!

К укреплению обороны Советского Союза — будьте готовы!

Председатель Центрального Бюро детской Коммунистич. организации Юных Пионеров имени Ленина при ЦК ВЛКСМ

С. Салтанов

ДЕТСТВО ДЭН ШИ-ХУА

Главы из книги С. ТРЕТЬЯКОВА
„Биография китайского студента"
Рисунки художника ЛИУ - ЛИН

После ужина отец следит, как Се Динь-чен и его спутники укладываются спать. Они поскидывали куртки и сидят в рубашках, почесывая грудь.

— А где ваши вещи?—суетится молодой дядя.

— Только то, что на нас есть. Больше ничего.

Дядя конфузится.

Окликнутая отцом мать перестает звякать чашками в столовой и слушает тихие распоряжения отца.

— Сшить каждому по рубашке. Перестирать их белье. Пробудут дней пять. Надо разыскать им денег на дорогу. Нет ли у нас еще шелковых одеял, которые бы можно было сдать в ломбард?

Се Динь-чен интересует меня все больше и больше.

Проснувшись на утро, я немедленно двигаюсь к его комнате. И остолбеневаю в дверях.

Превосходная черная борода хлопьями падает на пол под змеиным движением бритвы.

Он приветствует меня смеясь:

— Здравствуйте, юный Ши-хуа из рода Дэн.

При этом лицо его совершенно другое: вчерашняя величественность вместе с бородою лежит на полу.

— Кушали ли вы сегодня, уважаемый Ши-хуа, первенец моего друга Дэн Я-пу?

Он усмехается моей остолбенелости. А затем берется за совершенно для меня необъяснимое дело.

Он достает из коробочки искусственные темные бородавки с пучками волос и расклеивает их по своей физиономии. Потом складывает свою ставшую незнакомой физиономию в страшную гримасу; отщелкивает свой пузатый портфель, набитый смешными маленькими книжечками, в ладонь величиной, с забавными картинками на обложке. Проверяет патроны в барабане револьвера, прикрывает ставни, оставив только узкую щель, в которую бьет наполненный пылинками день, и рассаживается читать, поместив страницу книжечки в этом луче.

Полный небывалого количества впечатлений и недоумений, я пячусь за порог, а из комнаты смешливый голос говорит мне:

— Ши-хуа, прикрой дверь, да поплотнее!

В этот день я брожу по саду, размышляя о бороде, бородавках и закрытых ставнях.

Проходит несколько часов. Закрытая комната интригует меня. Я приоткрываю дверь, просовываю голову в темноту и ослепшими от темени глазами роюсь в комнатном чреве.

Он нащупывает меня раньше, чем я его.

— Что скажете, юный наблюдатель?

Я набираюсь смелости и говорю:

— Вам здесь не скучно?

Он смеется, трясет книжонкой в руке, затем подтаскивает к себе портфель за ухо и пробует его на вес.

— Вон их сколько. Разве с ними соскучишься?

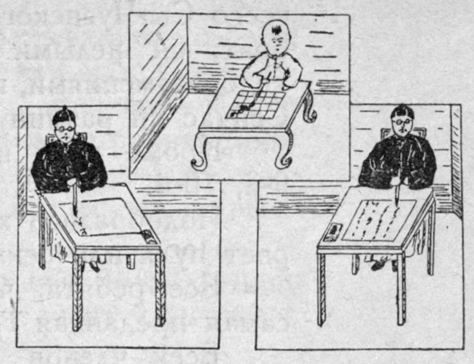
Он живет у нас в доме дольше других.

Он достает из коробочки искусственные темные бородавки и расклеивает их по физиономии

Обед кончается. Гости доедают рис и обтирают руки и лица горячими влажными салфетками. Мама уносит посуду. Откуда-то совсем незаметно, словно они были спрятаны под стульями в этой же комнате, возникают трое новых гостей. Они раскланиваются с нашим жильцом в бородавках и с приятелями жильца. Отец усаживает их за стол и говорит:

— Начнем.

Заметив, что я не слезаю со стула и внимательно слушаю разговор, отец обращает на меня свои чуть нахмуренные, озабоченные глаза, и безразличным взглядом, каким смотрит на собак или кошек, приказывает мне выйти из комнаты. Я начинаю поспешно сползать со стула, как вдруг крепкая рука берет меня за плечо.

Маленький Ши-хуа не умеет еще так искусно водить кистью, как его учитель

Это человек в бородавках. Он держит меня, просительно глядит на отца и застенчивым тоном говорит:

— Позволь ему остаться на собрании, Дэн. Это же наш продолжатель. Пусть учится.

Отец отводит от меня глаза.

Я начинаю понимать. Это заседание комитета партии тан-мин-хуэй. Человек, приехавший издалека, от самого Сун Ят-сена, озабоченно допытывается у отца, много ли накоплено сил и можно ли выступать против даоиня с его двумя батальонами солдат, вооруженных европейскими винтовками. Отец отвечает спокойно и глухо:

— Я уже недавно посылал человека с донесением к доктору Суну. Повторю вам вкратце, как обстоят дела. Главная наша опора в этом районе—тайный союз „старших братьев"—го-лао-хуэй. Когда я сюда вернулся и получил приказ комитета партии опереться на го-лао, я сразу же убедился, что древнее общество с его отчетливым лозунгом—„Долой Цинскую династию манчжур-поработителей" — одряхлело. Оно стало скорее обществом взаимопомощи, скорее каким-то мирным землячеством, чем боевой революционной организацией. Состав необычайно мешанный. Высший разряд—жень—„люди добрые и благородные", называвшие себя членами союза, в действительности не интересовались его судьбой. Все эти офицеры, помещички, учителя значились в союзе только по старой памяти и, как дятлы, бубнили выродившиеся и вредные для нас лозунги восстановления китайской династии Минов, вместо манчжур Цинов.

Люди второй группы, именуемой „И", что значит „благодетели", главным образом бродячие циркачи, солдаты и бандиты, помышляли только о том, как бы грабнуть и хапнуть побольше, а затем скрыться, прячась у сотоварищей—членов союза. Они совершенно забыли древний закон союза, говорящий о том, что грабить можно только с разрешения собрания го-лао или по распоряжению „первого старшего брата" Да-Го, и притом грабить можно только богачей, только взяточников, только вымогателей. Они забыли, что отнятые деньги надо сдавать в кассу союза, а не проигрывать в кости и не пропивать по ярмарочным харчевням. Они привыкли вести себя так, что название „И" стало насмешкой над строгими законами го-лао—„старших братьев".

Члены третьего разряда называются „Ли", что значит „церемония". Это маленькие бедные забитые люди. Это кули или рыбаки, таскали паланкинов и бурлаки, бедные землепашцы и бродяги, промышляющие то мелким воровством, то поденной работой на чьем-нибудь нищем огороде. Все они ценят союз только как способ раздобыться небольшой суммой денег про черный день или обеспечить свой труп приличными похоронами, если смерть застигнет их на чужбине или без гроша в кармане.

Мне приходится сжимать эту человеческую пыль в кулак, чтобы превратить ее в камень. Их надо раскачать и снова зарядить ненавистью к манчжурам—той ненавистью, которая стала угасать и уходить под серую золу повседневного безразличия. Сейчас я—Да-Го (старший брат союза го-лао) для

всего Сы-Чуанского востока. Мои помощники: товарищ Куэн—третий старший брат; он целыми днями занят внутрисоюзными дрязгами, делами, казною, недоразумениями, и пятый старший брат—Фу, который все время в разъездах. Сейчас он разминулся с вами, увезя мои донесения Сун Ят-сену.

Кроме этой нашей тройки работает еще пятерка братьев—6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й.

Подобрались хорошие люди. Если кого-нибудь из нас троих основных вырвет пуля или секира даоиня, они заступят наше место.

Все ребята, что учатся в моей полицейской школе, члены го-лао. Это самая преданная группа, а кроме того у них есть револьверы и сабли.

Всех членов го-лао-хуэй, приходящих ко мне проситься в полицейскую школу, я посылаю наниматься солдатами и писарями в батальоны. Там они получат винтовку и будут ждать сигнала. Уже сейчас по всем деревням Сы-Чуана работают местные комитеты го-лао. Это уже не клубы богатых бездельничающих поэтов, не разбойничьи банды, готовые ободрать каждого встречного, не крохоборческие общества взаимопомощи.

Уже сейчас местные комитеты стали военными отрядами. Там обучаются боксу и бою на мечах и на пиках. Одного у нас мало — винтовок. Нашим бандитам я приказал вместо денег добывать оружие. И я боюсь, старый даоинь, хитрая лиса, рано или поздно поймет, что значит эти постоянные нападения на арсеналы, цейхгаузы и караульные пикеты.

— А предателей в союзе нет?—спрашивает знакомец с бородавками.

— Было двое. Один из них прирезан, а другой брошен в Янцзе с камнем на шее ровно через три часа после того, как они рассказали о собраниях, происходящих у меня.

— Но как же уцелел твой дом?

Отец криво улыбается:

— Повезло. Те, к кому они пришли с доносом, тоже члены го-лао-хуэй. У нас есть свои люди на самых неожиданных должностях. Очень умно, что тан-мин-хуэй, решил опереться на „союз старших братьев“.

— Значит подготовку можно считать законченной?—нетерпится одному из незнакомых. Отец хмурится и качает головой.

— Нельзя торопиться: нет оружия. Надо продвинуть организацию еще дальше; надо еще больше дисциплины, а главное надо ударить по манчжурам в один день, в один час, в одну минуту по всем провинциям. Только тогда они свалятся и не встанут. А как в других провинциях с тайными обществами?

— На юге очень хорошо. Там мы работаем с тайным союзом сан-кок-хуэй. Это почти сплошь крестьяне. Народ горячий, — у них до сих пор по семьям живы старики, помнящие времена тайпинского восстания, когда крестьяне посрезали косы и объявили свое государство во всем южном Китае. Труднее нам приходится на севере вдоль моря. Там был когда-то очень силен союз по-леин-хуэй — боксеры. Но их так растрепали иноземные каратели за восстание 1900 года и на их же шеях так отыгралась манчжурская династия, встретившая их в это восстание, что они до сих пор не могут стать на ноги.

Отец уже не слушает гостя, он насторожился по направлению к выходной двери. Вскакивает, на-ходу расстегивает кобур револьвера, показывает гостям наверх—там садовая выходная дверь.

— Ши-хуа, проводишь!

И быстро бежит навстречу шороху.

Через секунду возвращается:

— Это мой вестовой.

Снова опускаются в кресла вскочившие было и сбившиеся в кучу гости.

Моя голова еле вмещает слышанное, она скрипит по швам. Я уже еле ловлю измученным ухом какие-то обрывки беседы отца и знакомца в бородавках. Беседа эта—мягкий шопот, залепляющий уши как кисель. В этот шопот вкраплены слова: „Цин“, „манчжуры“, „Сун Ят-сен“, „даоинь“, „винтовка“...

— Самое страшное,—хмурится отец,—что нас держат за глотку мертвецы. Пяти миллионов манчжур, которые завоевали Китай 300 лет назад, уже не существует. Есть несколько крупных сановников, комплект дворцовой челяди и несколько сот тысяч изленившихся жандармов, рассаженных по провинциям. Эта мертвечина, забывшая даже свой родной язык, сосет в свое удовольствие живой китайский народ. Неужели опять мертвец окажется сильнее живых? И наши головы запрыгают по дворам ямыней?

Знакомец в бородавках искоса одним глазом следит, как мое лицо танцует вслед за лицом отца: нахмурится отец—хмурюсь я, сжимает зубы отец—сжимаю зубы я. Пресекая отцовский разговор, он вдруг заявляет:

— Дэн, пошли своего Ши-хуа в Японию учиться на актера.

Отец, быстро скользнув по мне глазом, тяжело сощуривается прямо в зрачок знакомцу и спрашивает зло:

— Не веришь в выигрыш восстания? Хочешь сберечь его для продолжения рода? Удалить подальше от тех мест, где можно обжечься? А?

Знакомец отвечает, весело задравши брови со всеми наклеенными на них бородавками под самый лоб.

— Ничего подобного. Из Ши-хуа выйдет превосходный агитатор. Актер может проникать куда угодно: и в город, и в деревню, и в усадьбу, и в частный дом, и никакой даоинь его ни в чем не заподозрит.

— Ши-хуа, иди спать!—обрывает отец мое первое участие в политическом заседании.

Раздеваясь, а потом вертясь под одеялом, я слышу, как расходится собрание: одни шаги к калитке, другие к темной комнате со ставнями. Третьи шаги, одинокие и твердые, бесконечно гвоздят камни, которыми вымощен наш двор. Потом эти шаги прекращаются. Короткий лязг палаша по камню—и тишина. Это Да-Го восточного Сы-Чуана думает о своих помещиках, разбойниках и бурлаках. Это мой отец отдыхает на приступочке, наскучив долгой ходьбой.

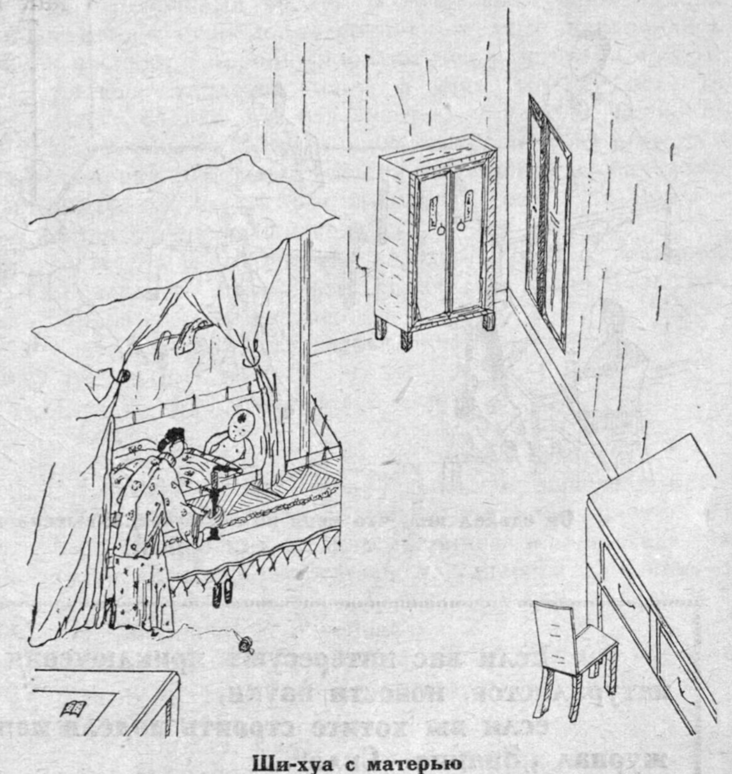
Немного дней проходит со времени заседания тан-мин-хуэй при моем участии. Ночь—глушь. Я просыпаюсь и долго лежу без сна. Издалека, над черепичными крышами Сиань-ши, доплывают до меня три удара в гонг. Это ночной сторож объявляет третий раздел ночи. Но я чувствую, наш дом не спит. Правда, нет ни крика, ни лязга посуды, ни шелеста шагов, но какое-то неясное урчание, идущее со стороны зала, тревожит меня.

Слезаю с постели, накидываю халатик, жмусь к стене, иду к залу.

Я уже у окна залы. Раздвигаю лепестки прорванной в оконной бумаге дыры и просовываю туда встревоженный любопытствующий глаз. В комнате густое кольцо народа обстало и обсело стол. Можно подумать, что в середине этого кольца кто-то играет в кости. Такие плотно сбитые кольца людей я видел на ярмарках.

Свечи на столе, на подоконниках, на шкафу. Свечам трудно гореть в этом воздухе—густом, теплом и потном. Бритые головы, головы, обмотанные полотенцами, и головы в лоснящихся шапочках колышутся и тянутся к сидящему за столом. Это Да-Го, старший брат всех этих тайком собравшихся в нашу залу людей.

Это мой отец. Одна из голов пригнулась к нему, свистящим шопотом передается новость. Отец некоторое время думает — в тишине слышно, где-то капает на пол разбуженная чердачными крысами штукатурка.

Ши-хуа с матерью

Отец говорит речь, отрывистую, как револьверные выстрелы.

— Братья, мне только что сообщено—брат Ло-Гань схвачен конвоем даоиня. Он добывал винтовки в казармах конвоя. Завтра его допросят, послезавтра убьют. Четырнадцать человек семьи отправится за ним: кроме него в семье кормильцев нет. Но главное—отнять его у нашего отдела все равно, что отрубить нам руки. На нем вся добыча оружия. Он нам нужен. Надо, чтобы завтра он был на работе.

Тогда голос — чей, разглядеть я не могу — перебивает отца:

— В тюремном конвое есть братья. Можно освободить сегодня же ночью.

Отец продолжает:

— Освободить его — значит отдать четырнадцать невинных человек палачу, а главное обнаружить, что Ло-Гань связан с организацией. Даоинь должен думать, что Ло-Гань казнен.

И опять второй голос, как бы продолжая речь отца, заканчивает:

— Ло-Гань должен быть заменен другим братом.

Круг голов вокруг отца вдруг расширяется, точно отхлынули от него люди. Отец спокойно всматривается в кольцо лиц.

Невыносимое молчание разрезает тусклый чужой голос.

— Да-Го, скажи, кто должен заменить Ло-Ганя?

Тут в первый раз я слышу добрые звуки в голосе отца.

Отец говорит, что древний закон союза го-лао-хуэй дает старшему брату право послать заместителя на казнь вместо другого брата. Но он не станет сейчас называть имени. Ночь впереди. Он подумает. Он утром сам сообщит тому, кто сядет в тюремную камеру вместо выпущенного.

К отцу склоняются две головы. Одну я знаю — это содержатель чайной на нашем рынке. Другой, судя по одежде — крестьянин из горных ущелий. Крестьянин жалуется:

— Да-Го, я двое суток не ел. Я явился к чайную, как мне было сказано. Я сказал пароль и налил в чашки чай, так как это полагается, когда нужно, чтобы один брат узнал другого брата. А он сделал вид, что меня не понимает, и выгнал вон. Я не знаю, правильно ли это, Да-Го?

Содержатель чайной оправдывается:

— Пришлый брат неправильно сказал пароль. Раньше я его никогда не видал. Шпионы даоиня шныряют всюду. Как я мог знать, что это свой?

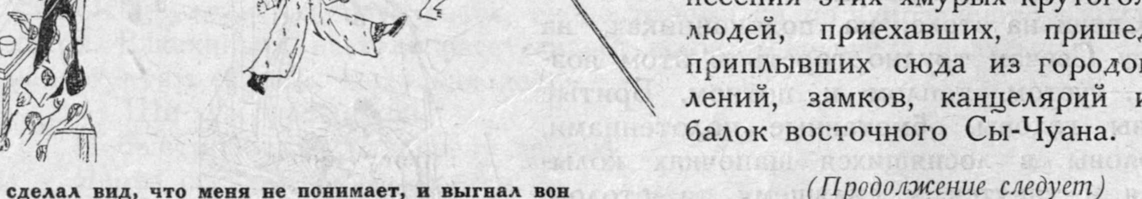
Отец прекращает ссору:

— Устрой ему ночевку и накорми хорошенько.

Довольный крестьянин отлипает от стола.

Одна за другой наклоняются головы к отцу — он уже сел и неподвижный слушает короткие донесения этих хмурых крутоголовых людей, приехавших, пришедших, приплывших сюда из городов, селений, замков, канцелярий и рыбалок восточного Сы-Чуана.

(Продолжение следует)

Он сделал вид, что меня не понимает, и выгнал вон

Красный платочек

Рассказ А. ГОЛОВКО

Перевод с украинского под редакцией А. Г.

Рисунки П. ЛЬВОВА

. . . . казаченько вбито,
Ой вбито, вбито, затягнено в жито,
Червоною китайкою личенько прикрыто.
(Из народной песни)

У Оксаны радость: мать отрезала полотна на платок и порошком (выменяла у спекулянтки) окрасила в красный цвет. Получился красный платочек.

Когда в обед девочка пригнала стадо из степи, он висел на плетне сухой. А за плетнем цвели красные мальвы. Верно с одной лепесток сорвался—упал на плетень,—вот какой платочек!

Девочка улыбнулась. Быстро загнала скот в загородку и скорей к платочку. Авось, сыроватый еще. Ну, да ничего, и на голове высохнет. Она его просто выкатает. Довольная сняла платочек с плетня: ведь сегодня праздник. Дедушка погонит на пастбище после обеда, а она с девочками пойдет на барский пруд купаться.

— А красный-то какой. Смотреть больно.

Вприпрыжку побежала в хату. В хате праздник. Убрано. Подле печи — мать, выдвинула горшок и наливает борщ в миску. Дед у порога докуривал трубку. Отец сидел на скамье—угрюмый, в белой рубашке: только что вернулся из церкви. Тишина. Слышно, как сквозь маленькие оконца солнце космами ткет лучи: ж... жж... (а, может быть, это мухи на стеклах). Ишь какой ткач, и пар от борща и синий дым дедушкиной трубки—все норовит воткать в свою основу. Смешно.

Дед выбил нагар из трубки об порог и поднял глаза на внучку:

— Уже, подросток? Какая там пастьба в голове. Верно гречиху всю дочиста вытоптала?

— Для чего бы я в гречиху пускала, дура, что ли?—ответила Оксана.—И на жнивье корму достаточно.

— Я вот погоню после обеда, увижу.

Это он, собственно, и хотел сказать. Я погоню, дескать, а ты погуляй, пошали с подругами. А поворчал в шутку. Такой уж у него характер. Зато отец не в шутку еще больше нахмурился и кольнул глазами девочку:

— А копны оббиваешь. Смотри, как бы я тебя не выпорол.

Оксана склонила голову и опечалилась. Отец продолжал:

— Брось мне эти глупости плесть,— он кивнул головой на веночек из васильков, висевший на стене вокруг зеркальца,—пасешь, ну и паси... В оба смотри.

Дед перебил:

— Ты, сын, о копнах. Сколько их по милости барской останется. Ведь Деникин, кажись, отдал приказ и барину отделять.

— Это для людей приказ, а мы, может быть, все помолотим. Барин знает с кого взять, кому дать.

Он нагнулся под скамью за столом, а мать поставила миску с борщем, потому никто не заметил, как змейкой шевельнулась улыбка в его рыжих усах, в них и запряталась.

Сели обедать в сенях вокруг стола. Молча хлебали из ложек и думали—каждый о своем. Отец—о копнах хлеба, дед и мать—о том же, вероятно. Оксана же—как бы пообедать скорей, да на двор, да с девочками на луг. В открытые сенные двери видно—в огороде подсолнухи желтые наклонились к плетню, и воробьи порхают между ними, чирикают. Дальше—заплатка маку, а еще дальше—зеленая завеса садика. Но она знает—луг там, за этой завесой. Между белыми осинами переплелись на-крест тропинки в траве. Одна из них прямо к барскому пруду, где вербы склонились и лозы кудрями нависли с берега над водой...

На улице вдруг что-то затопало и с гиканьем пронеслось. Лишь пыль поднялась, видно было, как по двору разостлалась.

— Должно быть казаки,—сказала мать.

А дед:

— И куда это они все ездят?

Отец:

— На то они и на конях, чтобы ездить.

Сдвинул брови. На лбу гусеницы зашевелились.

Оксана смотрела в дверь: вот из-за плетня из избы Мойсеевых вышла Марийка и побежала на луг... Оксана высунулась из дверей и крикнула вслед:

— Марийка! И я сейчас...

Отец сердито буркнул, а дед улыбнулся в седые усы. Девочка встала и покрыла голову красным платочком.

— Я пойду, мама.

— Да, иди.

Отец:

— Да смотри в барский сад с детворой не залезь. Чтобы ноги там твоей не было!

Оксана стояла потупившись, а когда отец замолчал, повернулась и пошла огородом к леваде.

Между осинами по дорожке (сверху огороды) шли Марийка впереди и сзади еще несколько девочек. Оксана окликнула их, они остановились. Подбежали, глазами уставились в платок.

— Какой красивый. Это горошком?

— Разумеется.

— Очень красивый. Не полинял бы только.

Ну, а идут они к пруду. И вот она пойдет. А вот Федорка—на огороде огурцы собирает: позвать ее.

Проходя мимо Федоркиного огорода, Марийка остановилась и закричала подруге, даже рукой замахала:

— Сюда-а!

Федорка поднялась и стояла молча. Потом высыпала огурцы из подола на землю и, осторожно ступая между стеблями, подошла к девочкам.

— Купаться идем!

Федорка покачала головой.

— Не хочу.

— Почему?

— Так.

Девочка задумчиво смотрела в даль, может быть, вспоминая отца, исчезнувшего куда-то из дому, прячась от казаков. Может быть, потому, что господ видела, которые вчера из города приехали... Ничего не ответила, а девочки звали. Оксана даже за руку тянула:

— Да идем!

Федорка слабо улыбнулась одними губами и пошла с ними.

До пруда было не далеко. Немного лугом прошли, а потом через ров—забора давно уже не было—и очутились у пруда под высокими вербами. Вверх поднимался сад, и сквозь прогалины краснели кирпичные постройки усадьбы.

Марийка первая разделась и прыгнула в воду. Остальные тоже начали раздеваться, как вдруг маленькая, кривоногая собачонка выбежала из сада и с визгом бросилась на них. Немного погодя из-под деревьев вышли две дамы, а за ними бежал длинноногий мальчик в коротеньких, до колен, штанишках—барчук.

Девочки оторопели. Близко было. Всего несколько шагов. И потому им видно было, как желтое лицо старой дамы сразу скривилось, и сквозь зубы визгливо вырвалось:

— Ах, спасения нет от них! Ступайте вон отсюда, гадкие девчонки, и так пруд загадили! Ступайте, ступайте!..

Собачонка визжала и вертелась под ногами у дамы, а девочек точно ветром сдуло, лишь лозы затрещали. За рвом остановились, запыхавшись, в подсолнухах, и тут только Марийка надела юбку. Потом высунула голову из подсолнухов и, скривившись, передразнивая барыню, запищала:

— Пошли отсюдова, гадкие девчонки! У-у! Паны, на трех одни штаны,—добавила она как могла дерзко.

Девочки подхватили: высунув из бурьянов головы, пищали, дразнили барыню. А та злилась и угрожающе махала голубым зонтиком. Барчук тоже сердился, а потом схватил толстую палку и швырнул в девочек. Не добросил.

— Батьке твоему в лоб,—крикнула одна из девочек и, схватив ком земли, бросила в ответ в него. Остальные тоже поднимали комья и швыряли со смехом. Федорка первая перестала.

— Ну их! Пойдем, девки. Еще достанется.

Между бурьянами, потом через огороды, между подсолнечниками, побежали вверх к улице. Были уже около плетня, и вдруг Оксана, бежавшая впереди, обернулась и широко огляделась.

— Смотрите, казаки ведут кого-то. Глянь-ка.

К плетню пригнулись и рядом испуганных глаз смотрели на улицу.

Проскакал верховой. Из-под копыт поднялась пыль. Грязной кисеей окутала улицу. И видно было: толпа двигалась по ней. По бокам на конях казаки с саблями наголо, а между ними пять-шесть крестьян, без шапок, некоторые в одних рубашках, шли, потупившись, тяжело волоча ноги. Молча. Слышно было только, как лошади стучали копытами.

Девочки и дух затаили. Одна вздохнула. А Федорка вдруг перегнулась через плетень: присматривалась. Вдруг всхлипнула, точно воздуха ей нехватило, и прутик плетня хрустнул под рукой.

— Отца повели...

Побледнела. Смотрела вслед. Не видно уже за пылью. Слышно—заскрипели ворота усадьбы, проглотили толпу и опять заскрипели. А по улице побежала только пыль вспугнутая, и там, вдали, за селом—шмыг, в бурьяны...

Федорка с плачем побежала домой, а Марийка с Оксаной тоже пошли по прежней дорожке между осин, под огородами. Молчали. Впереди Марийка, Оксана за ней. Марийка вдруг спросила:

— А правда, Оксана, будто барин говорил, что у твоего отца копен брать не будет?

— Не знаю.

А сама вспомнила, как за обедом говорил об этом отец, и подумала: „Может быть, и не будет брать. Но почему же у всех берет?“

— Должно быть,—сказала,—не знаю.

Ей надо было свернуть. Марийка пошла дальше, а она по картофелям повернула к хате. Шла медленно и все время вспоминалось: то сердитая барыня с голубым зонтиком, то толпа на улице в пыли... и Федорка—бледная вся и глаза испуганные-испуганные...

Дед погнал стадо в степь: калитка в загородке открыта. В сенях на пороге, на солнышке—мать с соседкой.

Оксана подбежала и сразу рассказала, что видела, как арестованных гнали по улице. И они видели. Это все кацаевские. Один Семен (отец Федорки)—здешний, в Кацаевке только прятался. Вот и переловили.

— Теперь так,—не спеша говорила мать,—те этих ловят и бьют, а эти—тех. Лучше всего сиди и помалкивай. Пришли большевики—землю дают—слава богу, за земельку эту всю жизнь боремся. А кадет пришел—отбирает—бери, твое право, пусть будет по-твоему. Ласковое теля двух маток сосет.

А Оксане грустно. И платочек на коленях точно полинял. Вспомнилось—давно, еще не было казаков, дед как-то после схода на бревнах вот здесь за двором при всех сказал Семену:

— Молодца, Семен. Бедняк о бедняках и заботится. Молодца, сынаша.

И по плечу ударил. А дед у нее седой—разумный. Он-то знает ли, что случилось.

Побежала в садик, „петушки“ свои полила. Нет, скучно. Соседка пошла домой, а мать спать улеглась. Такая тоска. Вмиг собралась и—со двора. И дальше жнивьем напрямик к деду на пастбище, за могилой, возле гречихи.

Там и осталась до вечера. А когда солнце садилось, вернулась вместе с дедом. Немного утешанная.

И спать легла с надеждой: ведь дедушка говорит—может быть, еще выпустят...

На другой день Оксана встала рано, как и всегда до восхода солнца, и сразу же по лицу деда догадалась, что случилось что-то необыкновенное. Он так забавно подмигнул ей:

— Ну, брат, ищи ветра в поле. Удрали наши.

— Кто?

И в миг сама догадалась. Сверкнула глазами.

— И Федоркин?

— Ну, да. Все убежали. Подкопались из конюшни и—марш. Сторожа услышали, да поздно было. Стрельбу подняли. Ну, да ночь-матушка. Поймай его.

Он доволен, что так повезло беглецам. Смотрит на внучку, на ее блестящие глаза и улыбается.

Оксана весело погнала коров в поле.

До обеда пасла вместе с другими девочками. Играла в камушки, вышивала. Потом к ним пристали мальчики и начали шалить: то камушек забросит, то еще что-нибудь. А один отнял у Оксаны красный платочек и начал играть в „революцию". Девочка сердилась, ведь его порвать недолго. А мальчики не поддавались ей. Все же, наконец, отняла, спасибо девочкам—помогли.

А после обеда погнала стадо на свое любимое место, за могилу, где их гречиха. Там села под копнами и начала вышивать плечики к рубашке, а корова паслась на пшенице. Кругом тишина. Только где-то вдали жужжит коса—кто-то запоздал с жатвой, да жаворонки звенят вверху...

Девочка склонилась над шитьем и замурлыкала песенку. А из копен глянул на полотно луч солнца, блеснул на иголке, позолотил красные крестики...

— Ах, как красиво! Вот если бы в самом деле такие нитки—золотые...

Она склонилась и очарованная смотрела на вышивку. Взлянула в сторону—теленочек в гречихе. Да хоть бы с краю, а то в самую середину забрался.

— Ах, дрянной. Вот я тебе задам!

Сорвалась с места и побежала выгонять, путаясь в высокой и густой гречихе, и остановилась, остолбенела...

Прямо у ног лежал человек. Весь в белом с непокрытой головой, а глаза—темные пятна—молчаливо смотрят на нее. Потом пятна шевельнулись, человек спросил:

— Испугалась? Не бойся, я не страшный.

И усмехнулся, точно от боли. Оксана дрожала. Человек спросил:

— Близко никого нет?

Девочка оглянулась—поля... копны... пусто. Ответила:

— Нет никого.

— Хорошо.

Замолк, а глазами внимательно оглядел девочку с ног до головы. Потом заговорил:

— Смотрю я—рубашонка у тебя в заплатах. Бедняки верно.

— Бедные, дяденька.

Он снова помолчал. А потом поднялся на локоть и сказал шопотом:

— Ну, так слушай же: я прячусь от казаков. Только никому не говори, а то меня убьют. Поняла?

Оксана кивнула головой. Потом он спросил, нет ли у нее воды. Да, есть, бутылка там под копной. Вот она сейчас только теленка выгонет.

Ступайте вон отсюда, гадкие девчонки!

Выгнала теленка из гречихи, забежала к копне за водой, и по старому следу пробралась к беглецу. Оглянулась: никого не видно. Тогда, как перепелка, села в гречиху. Подала бутылку, человек жадно припал к ней, выпил всю. Потом положил бутылку, на землю, улыбнулся девочке и снова—с болью:

— Такой и расти, дочка, и счастлива будь... Сразу стало легче. А то от самой ночи горит все внутри, к тому же и ночь без росы... Думал сгорю.

Оксана осмелела и спросила:

— А где это вы, дяденька, были, что вдруг—здесь?

Человек помолчал. Потом ответил:

— Бежали ночью. Вчера нас переловили и привели в эту слободу, в барской конюшне заперли. Ночью бы всех и расстреляли... Ну, а мы подкопали.

Он показал свои руки в земле и в крови.

— Вишь, чем подкапывались. Аж пот со всех лил. Теперь ночь—секунду потеряешь—не нагонишь. А до рассвета надо в степь вырваться. Да сторожа услышали... стрелять начали. А ночь темна, разбежались во все стороны — лови нас. Я уже по жнивью бежал, как в ногу ударило, так и споткнулся. На четвереньках лез. А светает все больше и больше. Кровью истекать стал. Тогда в гречиху влез и притаился... Не слышала, все ли ушли? Никто не убит?

— Нет, никто не убит.

— Значит, все. А не слышала—ищут?

— Ищут. Когда в обед была дома, говорили—даже в Кацаевку ездили. Но никого не нашли. Дед говорит: ищи ветра в поле.

— Да, кабы не нога. И пошевельнуть нельзя. А это в гречихе, когда в поле голым-голо, а она, как заплатка маячит...

— Ну, да как-нибудь обойдется. Эту ночь здесь полежу и день, а потом ползком буду пробираться к лесу, что далеко-далеко на горизонте темнеет.

— Быть может, и не найдут,— утешает Оксана.

А когда завтра она погонит на пастбище, поесть принесет и воды бутылку.

Человек улыбнулся и рукой в земле, с запекшейся кровью, провел по белокурой головке.

— Только в слободе—никому ни словечка.

— Нет, разве я дура?

Поднялась. Уже вечерело, и последний луч окровавил белую гречиху. Отошла, а потом остановилась и еще тихонько шепнула:

— Не бойтесь, дяденька, я не скажу.

Пригнала домой, на лице таинственность. Дед на завалинке сидел — трубку курил, взглянул, прищурившись:

— Уже натворила чего?

— Нет,—взволнованно ответила девочка. И глаза опустила. Молчала. А потом подумала: ведь дедушка свой. Разве он кому-нибудь скажет? И, поколебавшись немного, рассказала все про человека, прятавшегося в гречихе.

Дед задумался. Велел больше никому ни гу-гу.

О, нет, разве она не понимает. И не сказала никому. Но дед сам верно не утерпел, потому что за ужином отец вдруг спросил:

— Да, что ты там видела в гречихе?

Оксана вся похолодела. А дед:

— Говори, дочка. Разве здесь чужие?

Девочка снова рассказала все. И как наткнулась на него, и о чем говорили, и какой он из себя...

— В ногу ранен, штанина до колена оборвана, замазана вся в крови. И пошевелиться не может. Говорил, что эту ночь пролежит еще, а потом к лесу будет ползти...

Отец задумался, потом промычал что-то и сказал:

— Т-с. Молчите же. Всякому смерть страшна.

И, поужинав, точно забыл. На дворе возился. Уже стемнело, уже и спать легли, а он все еще на дворе.

Оксане не спалось. Всматривалась в темноту хаты и тревожно прислушивалась—надвигалась гроза... Сначала глухо и далеко-далеко где-то гремело и притихало. А под окном осины листиками зашептали испуганно. По улице парни шли с песнями:

Ой, у полі жито копитами вбито,
Під білою березою казаченька вбито...

Печалились молодые голоса и тихо где-то за избой замирали... Снова тишина. Вдруг сверкнуло в небе, словно огонь высекли, а на лугу, как из пушек, выстрелило. Даже стекла задребезжали. Сверкнуло опять и упало с грохотом в поле... Гроза. За избой буря метнулась, в саду между деревьев запуталась на миг, вырвалась и кинулась дальше... Зашумел дождь. И грохотало и сверкало в хате... Мать охала и крестилась. Оксана закрыла лицо руками и притихла.

Заснула.

...Проснулась—дверью кто-то скрипнул (это отец). В хате темно и тихо. Где-то далеко-далеко прогремело и стихло. А под окном осины утомленно шептали...

Отец разделся и лег на полатях, с краю. Тишина. Но Оксана не спит. И слышит, мать вдруг спросила:

— Ходил?

Отец буркнул. Немного погодя мать спросила снова:

— Ну и что?

— Завтра поедут.

— А насчет копен как?

— Да как... Обещал. Разве барин дурак. Может быть, я ему и еще когда-нибудь пригожусь.

Оксана насторожилась, даже голову подняла и ухо подставила. Они замолчали. Потом отец вздохнул, а мать спросила тихо:

По бокам ехали казаки с саблями наголо

— Чего ты?

Пауза. Заскрипел полатями отец и опять вздохнул. Говорит:

— Это ж они лошадьми... гречиху как есть вытолкут...

Оксана вскочила и села, взволнованная. Мать услышала.

— Чего ты, Оксана? Спи.

Тоже и отец с беспокойством:

— Чего ты?

— Да что вы там про гречиху... Кто лошадьми вытопчет?

— А, глупая. Про гречиху... Буря верно всю ее выбила... Спи себе.

Девочка легла. Перед глазами картина (ночь в степи... гречиха и он). Вспомнилось, как вели вчера по улице. Еще у пруда вспомнилась сердитая барыня с голубым зонтиком... И снова степь... Пятна копен и белая заплата гречихи...

Потом краски слиняли. Надвинулся туман—окутал и копны, и гречиху, и ее.

Я прячусь от казаков. Только никому не говори, а то меня убьют

Утро пришло солнечное. Но после дождя было холодно. Поэтому отец и не позволил Оксане рано выгонять в поле (пускай в огороде попасутся). А, может быть, из-за чего другого, но не пустил.

Оксане не сиделось дома. Уже и хлеба в мешочек приготовила и воды в бутылку налила, а за пазухой в узелочке табачку немножко—дедушка дал: может курящий. Гнать бы да и все, а отец, как нарочно—разжалобился: холодно...

Наконец, ушел куда-то со двора. Девочка скорее выпустила скот из загородки, за провизию—и марш в поле.

Голо и пусто в степи. Темнели копны рядами, местами растрепанные. Между копнами то здесь, то там пасся скот... А вот их гречиха—белеет полоской, а возле нее кто-то докашивает ячмень, оставшийся заплаткой.

Вот не везет. Совсем около гречки. Нельзя дать поесть.

Опечалилась. Пригнала скот на место и остановилась задумчиво возле копен Смотрела на косаря. Нет, увидит. Пойдет она в гречиху, а он вдруг догадается, да за ней: а что здесь такое? Нет, лучше подождать. Может быть, он отдохнуть сядет или начнет косу точить?

Стояла под копной, а мешочек и бутылку держала наготове в руках. Чуть что—думала—шмыг в гречиху, как будто за перепелкой. Отдаст и скорее назад. Вот-вот он кончит полоску и отвернется...

Только в сторону глянула—обмерла вся. От могилы с полверсты всего — неслись трое верховых. Прямо сюда.

— Неужели сюда?

Подъехали к косарю, повертелись—о чем-то верно спросили. Потом один что-то крикнул и рукой махнул. И двое бросились к нему...

В то же мгновение Оксане на голову точно гора навалилась—она тихо опустилась на землю и лицо руками закрыла. А голову, как испуганная перепелочка—под сноп. Дрожала вся.

Тишина. Так прошло мгновение, минута или больше... Вдруг точно кнутом кто щелкнул. И снова—бах. А немного погодя мимо копен, как вихрь проскакали казаки.

Оксана дрожала и боялась взглянуть. Наконец осмелела и выглянула из-за копны. Поля потемнели (или ей только показалось так). Тени от туч на цыпочках блуждали по жнивью, а вот побежали, побежали... Наперерез им казаки, словно три вороны низко-низко над землей полетели... В стороне гречиха, и вытоптана-вытоптана копытами.

Девочка затаила дыхание, точно прислушивалась:

— Верхом поедут,—говорил отец ночью,—и гречиху вытопчат...

Значит, отец знал и мать знала. Это он и сказал казакам. Он, он. Забило сердце тревогу. Руками держалась за края красного платочка—сорвала с отчаянием. И простоволосая, держа платок в руке, побрела в гречиху. Остановилась.

У ног ее человек навзничь лежит, недвижимо. На лбу выше бровей — пятно черное, а под головой — лужа красная...

Перед глазами у нее туман заколыхался. Стояла, опустив голову, потом склонилась к лежавшему и красным платочком лицо его покрыла. Еще постояла и тихо на цыпочках побрела из гречихи...

В следующем номере „Пионера“ читайте воспоминания комсомольцев о гражданской войне, о том, как четырнадцатилетние ребята бились в рядах взрослых бойцов с белогвардейцами и бандитами. Читайте в № 5 о Жюль-Верне.

КАК МЫ ВЫРОСЛИ

Первый парад Красной армии в 1918 г.

Самострел, применявшийся партизанами в борьбе с белыми бандами

Не было оружия — партизаны прикрепляли штык к длинной палке, и получалась пика

Пушка, которой наверно не меньше 200 лет, служила „походной артиллерией" партизан

Танк, отбитый в 1918 г. у белогвардейцев

Десять лет Красной армии.

Десять лет героической победоносной борьбы на десятках фронтах. Десятки тысяч жертв, десятки тысяч героев! Обо всем этом с интересом и вниманием прочтут сегодня миллионы юных пионеров, школьников и комсомольцев, для которых Красная армия является примером, подлинной, не выдуманной историей героизма, самопожертвования и великих побед. Рабочие и крестьяне, взявшие в 1917 г. власть, для защиты революции организовали свою Красную гвардию, из которой выросла потом Красная армия.

Вот она марширует на своем первом параде в 1918 г., и вот она же через десять лет на той же Красной площади. Какая разница! От нестройных, одетых во что попало колонн рабочих до блестящего парада, где в четкие линии построились колонны войск, вооруженных по последнему слову техники.

Какая разница! Но разница только внешняя: и там и там под винтовкой стоит рабочий и крестьянин, и как тогда, так и сейчас Красная армия готова защищать мирный труд наших отцов, братьев и матерей. Смотрите ниже, и вы увидите, что в борьбе побеждает только тот, кто лучше вооружен, но и тот, кто идет на смерть за правое дело рабочих и крестьян: самодельные пики, ружья, пушки, так напоминающие самодельные орудия ребят, были тем оружием партизан, с помощью которых они прогнали белогвардейские и иноземные войска, вооруженные танками, огнеметами, и аэропланами.

А вот еще ниже и самый танк, около которого валяются еще трупы защитников „Руси святой"—Руси помещиков и царей. С одними винтовками, с примкнутым штыком красноармеец шел в атаку на эти танки, и в страхе бежали белые от него, бросая танки и аэропланы.

Сегодня же мы вооружены не только сознанием своей правоты и сознанием того, что мы боремся за рабочих и крестьян, за угнетенных всего мира.

Против военной техники капиталистов мы создаем свою. Танки есть и у нас. Усиленно идет газовая учеба Красной армии и населения. „Не страшен газ, когда есть противогаз"—и наши матросы, наши красноармейцы учатся носить маску и обращаться с ней, учатся сами пускать в противника газ из своих окопов.

А на ряду с этим мы не должны забывать и не забываем другое страшное орудие современной войны—аэроплан.

На этой странице вы без труда отыщете авиэтку, сделанную по проекту молодого конструктора-летчика Яковлева, о котором мы писали в прошлом номере нашего журнала. На этой авиэтке тов. Яковлев сделал перелет Москва—Севастополь без пересадки и тем самым установил новый мировой рекорд. И, наконец, чтобы понять, как выросла наша Красная армия за эти десять лет, мы помещаем здесь красу и гордость нашего морского флота линкор (род военного судна) „Марат". Наш советский Красный флот, восстановленный при участии комсомольцев, взявших в 1922 г. шефство над ним, охраняет сейчас морские границы СССР.

Слава Красной армии и Красному флоту в день их десятилетия!

Парад Красной армии в 1927 г.

Надев противогазы красноармейская часть готовится к газовой атаке

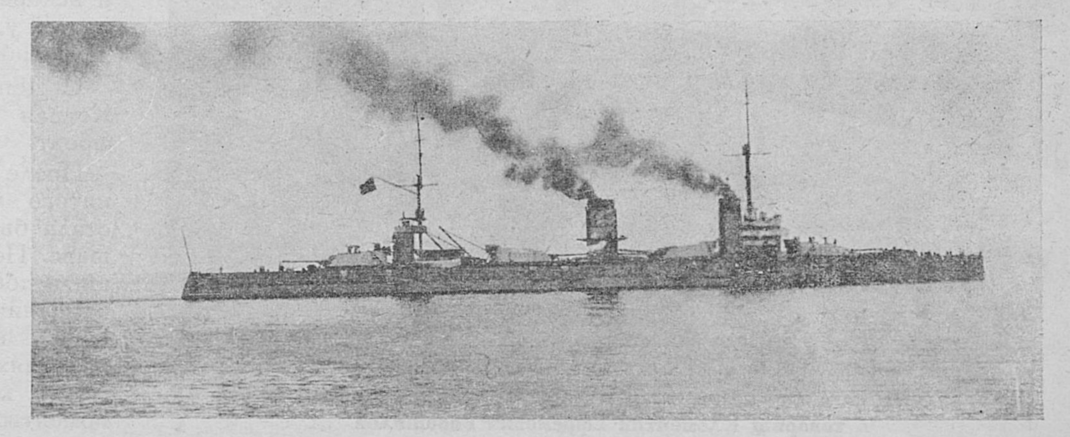
Очень маленький самолет—авиэтка. Впереди стоит ее конструктор т. Яковлев

Большой танк двигается на маневрах

Краснофлотец в противогазе

Линейный корабль „Марат"—один из самых больших в СССР военных кораблей

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ

Приказом из Москвы Ворошилов был назначен начальником 61 стрелковой дивизии.

Это было зимой 1919 г. Деникинская армия, забрав Орел, двигалась к столице республики — красной Москве.

В это же время кавалерия генерала Шкуро и Мамонтова прорвала фронт и глубоким рейдом двинулась в наш тыл. Буденный, командовавший конным корпусом, был брошен против них. С глубоким волнением вся республика следила за результатом боя между Буденным и Шкуро.

На двух страницах не уместишь полные биографии героев Советской страны. Мы печатаем только некоторые эпизоды из их славных полных опасностей жизней.

Народный комиссар по военным и морским делам, почетный пионер товарищ Клементий Ефремович Ворошилов

Буденный разбил Шкуро и тем самым предотвратил нависшую грозу над республикой. Приказом Реввоенсовета республики Ворошилов был назначен в конный корпус Буденного членом Реввоенсовета.

Начался боевой путь Первой Конной армии под руководством Буденного и Ворошилова.

Тов. Ворошилов вместе с тов. Буденным все время был в самой гуще боевых действий, и это давало ему возможность непосредственно руководить и политработой. Присутствие Буденного и Ворошилова в рядах бойцов при ходе боевых операций действовало на кавалерию на редкость ободряюще. Положительно не было ни одного боя, в котором не принимали бы участие Буденный и Ворошилов. С самого раннего утра они оставляли полевой штаб армии и отправлялись вместе с частями в бой.

Белые быстро откатывались к Кавказу.

За эти бои тов. Ворошилов награжден почетным оружием и орденом Красного Знамени.

С ликвидацией Деникина казалось, что ликвидирована война. Но вот панская Польша неожиданно перешла в наступление. Советская республика не ожидала удара с этой стороны, и на границе с Польшей были расположены маленькие части, которые Польша без особого труда опрокинула и заняла левобережную Украину вместе с Киевом. Положение создалось тяжелое. С юга, из Крыма, в это время вылез Врангель; Петлюра, собрав остатки своей разбитой армии, двинулся также на Украину, и вскоре Антанта предполагала, что ей удастся восстановить единый фронт против республики.

С Деникинского фронта Первая Конная двинулась на Польский фронт.

После первых же боев и знаменитого прорыва польская армия стала быстро откатыватся к Варшаве. Первая Конная армия решила победу. Участники польской кампании отмечают, что находившийся все время на передовых позициях тов. Ворошилов даже в самые, казалось бы, безнадежные моменты не только не терял веры

СТРАНЫ

в изменение обстановки к лучшему, но умел еще своей бодростью и уверенностью заражать окружающих.

В Бродах случилась такая история: едва только Буденный и Ворошилов, заняв Броды, выехали из расположившегося здесь полевого штаба, как в город ворвались поляки. Ворошилов и Буденный распределили между собой роли и стали с двух сторон выбивать поляков из Брод. Ворошилов налетел на станцию с бронепоездом, Буденный же выбивал противника конницей. И Броды в результате этого двойного натиска были взяты обратно.

А вот еще один эпизод.

К деревне Лопатино подползли незаметно поляки; они уж подобрались к самым квартирам. Ворошилов услышал шум, вышел на крыльцо. Поляки подступили к нему с криками:

— Сдавайся, пан!

Но „пан" не сдался: через три часа „пан" выбил поляков из деревни Лопатино...

Когда начался отход Конной армии, только благодаря тому, что Ворошилов и Буденный находились все время вместе с частями, им удалось сохранить боеспособность армии и поддержать в них боевой дух.

Осталась последняя заноза: Врангель.

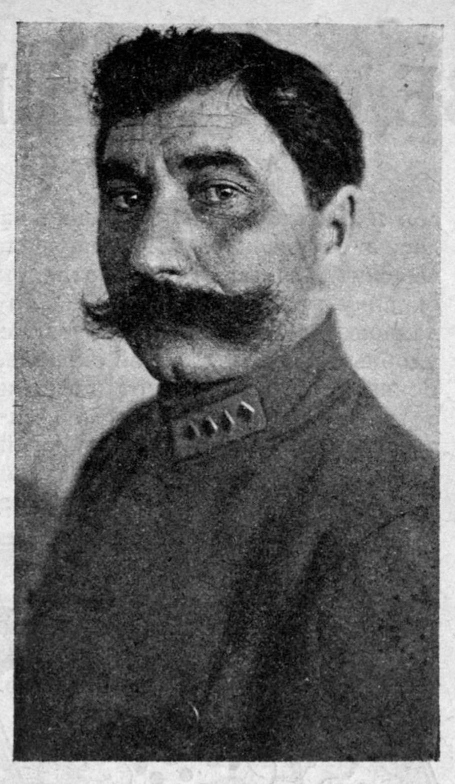
Врангеля нужно во что бы то ни стало опрокинуть в море, чтобы республика могла приступить к мирному строительству. Окопавшись в Крыму и построив колоссальные укрепления, белые выбрасывали ураган огня против красных, шедших с единым лозунгом:

— Смерть Врангелю!

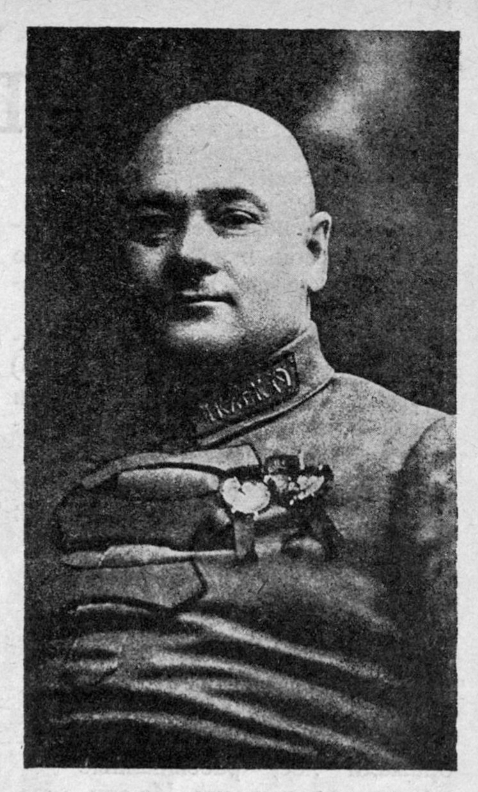
Бои вокруг Перекопа и гнилого озера Сиваш были ожесточенные.

Конная армия, пробившая первую брешь в цепи Врангеля, смяла его тыл и дала возможность на плечах отступающего противника ворваться в Крым. Главным командующим был Фрунзе, а одним из самых деятельных его помощников являлся Ворошилов.

С ликвидацией в Крыму в 1920 г. Врангелевского фронта Первая Конная армия была направлена в Екатеринославщину для ликвидации разраставшегося на Украине бандитизма и махновщины.

Тов. С. М. Буденный, почетный пионер

Тов. Г. И. Котовский

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ КОТОВСКИЙ

Из книги В. КАВЕРИНА „Впереди всех"

Прошло пятнадцать лет. Из веселого, неосторожного юноши Котовский превратился в тяжелого, жесткого человека, не ронявшего напрасно ни одного слова.

За эти пятнадцать лет он ни на один час не положил оружия; его отряд то увеличивался, то уменьшался. Случалось, что он один, безоружный, бродил по деревням, и повсюду, где он появлялся, поднимались крестьяне и горели дворянские усадьбы.

Его арестовывали много раз, но ему неизменно удавалось бежать.

Его посадили в железную башню кишиневского замка, которая находилась в десяти саженях над землей, и он бежал. Его посадили в узкий подвал, который находился глубоко под землей, и он бежал.

Его приговорили к десяти годам каторги, его отправили в Николаевский каторжный централ, где за каждое лишнее слово наказывали плетьми, где десять надзирателей ни на одну минуту не сводили с него глаз, и он бежал.

Пришла революция: бессарабские помещики и отряды ингушей больше не травили бессарабских крестьян борзыми, потому что борзые лежали с перерезанными горлами, а сами помещики бежали на север, запад, восток и юг с закрытыми глазами.

Котовский мог теперь спокойно пройти по любой улице любого города,—никто не следил за ним.

Но он знал, что его дело еще не кончилось, что борьба продолжается; он был очень опытный и умный человек и прекрасно понимал, что те, против которых он сражался всю свою жизнь, без борьбы не отдадут своей власти.

— Д-да, чорт побери, поверю я, чтобы они т-так, здорово живешь, с-согласились с нами! С ними надо говорить, когда они под дулом стоят и н-ничего отвечать н-не могут!

И он был прав. Не прошло и года, как началась гражданская война.

Котовский собрал старых товарищей и начал сражаться во главе небольшого кавалерийского отряда; с этим отрядом он наводил ужас на румын, поляков, гайдамаков и на белую добровольческую армию.

Повсюду в решительную минуту, когда его отряд ожидала гибель или победа — в желтой куртке, в красной фуражке, правая рука в бок—вылетал на своем Орлике Котовский.

— Б-братва, вперед! Судьба... в-все равно.

В 1925 году, когда давно потухли все фронты, пал от руки изменника Григорий Иванович Котовский.

РАЗВЕДКА НА ПЕСКЕ

А. РОДИН

Наши военные действия происходили зимой в комнате. Боевое поле помещалось в ящике с песком.

Мы наполнили большой деревянный ящик (размером $1^1/_2 \times 1$ метр) чистым песком. Песок смочили водой и из него стали лепить поверхность местности.

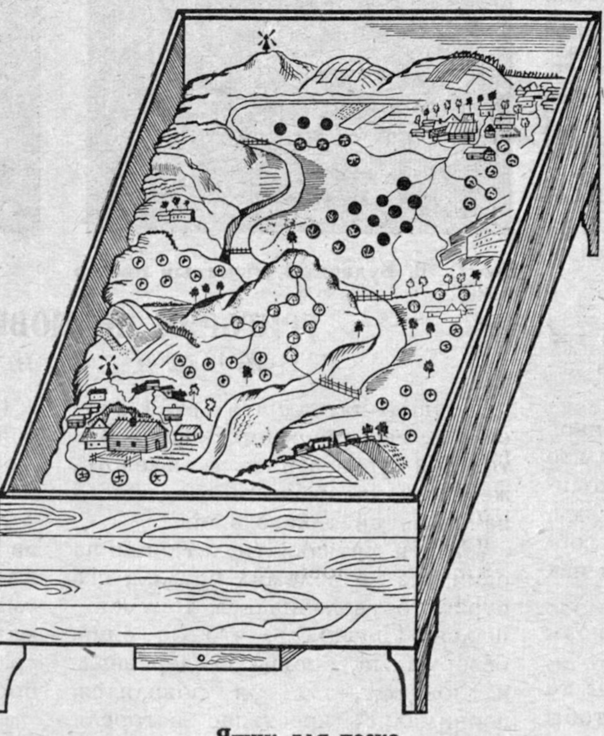
Посредине поля у нас вилась веревочка, она изображала реку; бечевки, тянувшиеся к ней — притоки. Один берег реки выше, другой ниже; кое-где овраги, холмы. Спички, к которым в расщепленный конец были прикреплены кусочки зеленой ваты (мы обмакнули ее в зеленые чернила), изображали лес; рассыпанные краски — поля и луга. Из спичечных коробок наделали домики деревень, мельницы; кусочки стекла — озера, а несколько спичек вряд — мост. Краской провели дороги: белой — шоссе, желтой — проселочные.

Создавать из песка и бросового материала рельеф (поверхность) местности нам было очень интересно: мы воспроизводили знакомую нам местность под городом; особенно было интересно потому, что постоянно приходилось считаться с масштабом — перед нами была масштабная линейка, и мы циркулем отсчитывали на песке каждые два сантиметра: они обозначали 100 метров.

Наше звено разделилось на две партии, одни были — красные, другие — синие. Мы выбрали командиров. На ящике с песком нас изображали маленькие шашки, мы их выпилили из фанеры и окрасили в два цвета — красный и синий. На шашках были нарисованы: шлем — это были стрелки, голова лошади — кавалерия, пулемет — наше орудие.

Играли мы в разведку. Игра началась с того, что вожатый предложил синим уйти из комнаты.

Красным он сказал: одна ваша рота занимает пункт около мельницы, другая у реки, третья в селе Жуковка. Вам сообщила воздушная разведка, что синие занимают район к северо-востоку от мельницы у с. Хорошево. Приказываю выступить трем отделениям с разных пунктов одновременно в 5 часов и двигаться в направлении на лес, а оттуда к селу Хорошеву и выяснить, занимает ли противник окраину этого села и в каких силах он там расположен, а также удобные подступы к этой окраине. Всячески уклоняться от встречи с неприятельским дозором. Двигаться осторожно — при волнистой местности перебегать от складки к складке; если дорога ведет чрез

Ящик для песка

возвышенность, то командир отряда первый взбегает на нее и всматривается в впереди лежащую местность.

Разведку закончить к 10 часам, так как в 12 часов наш батальон переходит в наступление на Хорошево, чтобы выбить противника и занять село. Словесные донесения присылать в штаб, который находится у мельницы.

Имейте в виду, что пешие отряды могут передвигаться по ровной поверхности со скоростью в одну минуту — шагом 60 м, бегом 120 м, кавалерия — рысью 200 м, галопом 300 м. В лесу, через реки и овраги значительно медленнее. Принять во внимание, что неприятельский отряд может быть виден в 1.400 м, что стрелять можно с расстояния 400 м.

Дальше вожатый спросил красного командира, как он думает двигаться вперед. План обсуждали реввоенсоветом, и было решено: каждый дозор идет своей дорогой, направляясь к Хорошеву, держа связь друг с другом. Первому дозору до рощи двигаться по дороге всем вместе, за рощей итти парным дозором, спуститься в овраг, перебраться через реку и дальше лесом подобраться к Хорошеву.

С помощью циркуля и часов вычислили, что мы значительно скорее выполним задание, чем нам дал командир (вожатый). Отметили, из каких пунктов будем посылать донесения штабу. Другие два отряда также наметили план своих действий. Поставили свои шашки на плане в исходном положении, запомнили места, взяли шашки и ушли.

Подошли синие. С ними была проделана вожатым та же работа, но только с противной стороны.

Самая игра велась так. У одного края ящика собрались красные, у другого — синие. Ни одна сторона не могла видеть, что творится на поле другой, так как середина была перегорожена фанерой.

Вожатый являлся руководителем той и другой стороны.

— Займите исходное положение (т.-е. поставьте шашки по плану выступления). Красные и синие, передвиньте шашки на расстояние, соответствующее одному часу пути, пользуйтесь при этом масштабной линейкой.

Так мы подвигались вперед друг на друга, встречая по пути разные препятствия — то разлившуюся реку, то лесной пожар. То и дело командир сообщал: „показался неприятельский аэроплан", „движется воз сена", „на бугорке в расстоянии 1.200 метров показались три человека" и т. д. Эти препятствия нас то задерживали, то заставляли уклоняться в сторону, но как бы то ни было, через „три часа" ширму (фанеру) сняли.

Синий дозор подошел так близко к красному, что по условиям игры он обнаружил себя.

Что будет делать синий дозор? В каком положении находятся отряды красные и синие?

Общее обсуждение результатов разведки и закончило нашу интересную игру.

Парад

Стихотворение М. СВЕТЛОВА

Рисунки художника А. БРЕЯ

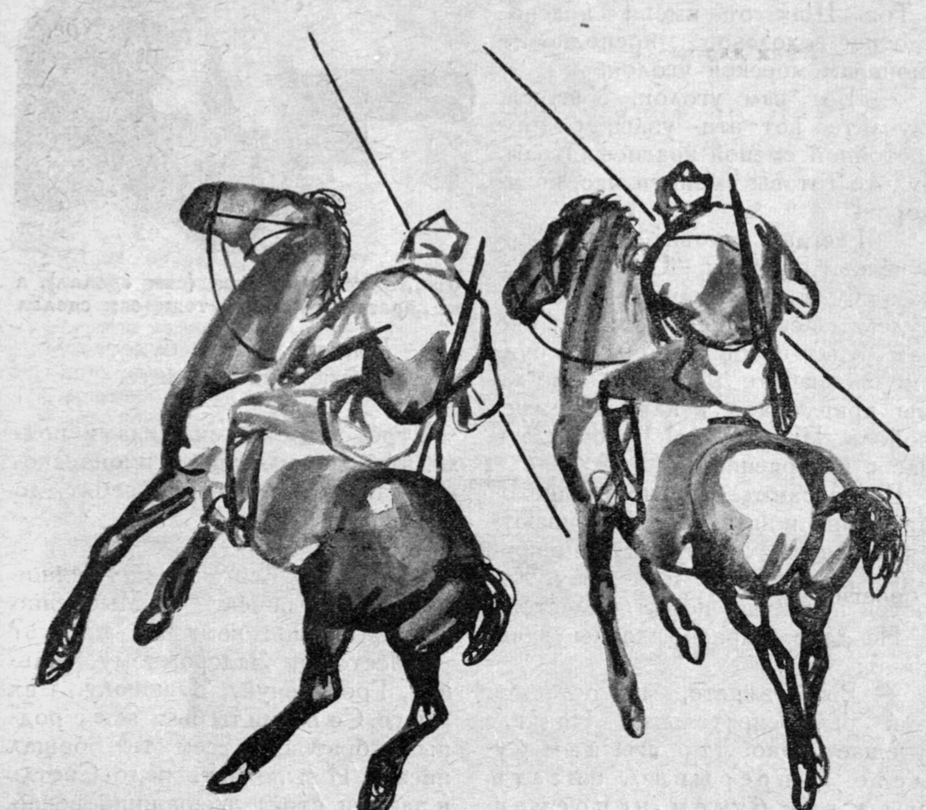
Мы сумели знамена
Сквозь дым пронести,
Сквозь огонь,
Сквозь свинец,
Не дыша,
Мы тряслись по дорогам,
Мы мерзли в пути
От Житомира
До Иртыша.

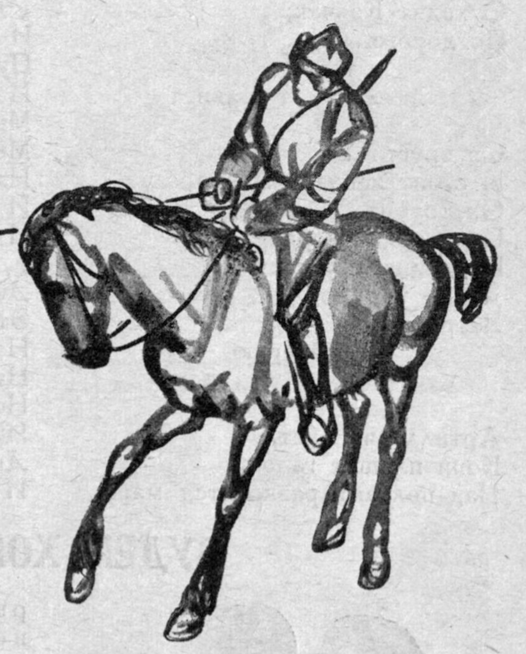
Сквозь колючую тьму,
Продирая лицо,
Волоча
по болотам
шинель,
Мы на славном пути
Оставляли бойцов,
Мы бойцов хоронили
В огне.

Десять лет трепетала
Над нами борьба,
Хлопотала
под знаменем
смерть...

О жестоких боях
Вспоминает труба,
Раскаляя
военную
медь.
И навстречу победным
Знаменам полков,
Мертвецам
отдавая
салют,
На Красную площадь
Десять годов,
Словно десять горнистов, идут.
Трубы спят по чехлам,
Шаг спокоен и тих,
И трубу
простирая
вперед,
Над полком затрубил
Самый первый из них—
Молодой
восемнадцатый
год.

Он трубит, и сочится
Из клапанов кровь,
И огни над горнистом горят,
И прожектор над ним
Зажигается вновь,
Освещая
ночной
Петроград.

Он трубит,
И окрестные трубы зовут,
И разносится марш боевой,
И путиловцы снова
Винтовки берут,
И обуховцы двинулись в бой...

Он трубит,
Он трубит,
Прославляя борьбу,
Он устал,
Он хрипит,
Он зовет,—
И на смену ему
Поднимает трубу
Боевой
девятнадцатый
год.

Снова конь в нетерпеньи
Грызет удила
Под знакомый
Военный мотив,
И Деникин в смятеньи
Бежит от Орла,
Эполеты
теряя
в пути.

Партизаньи винтовки
Глядят из кустов,—
Он трубит,
девятнадцатый год—
И Буденный опять
Озирает Ростов,
И в безмолвии
Конница ждет.

Он трубит...
Раскаленная медь горяча.
И знамена над ним
Высоки,
И далеко за Сызрань
Отходит Колчак,
По дороге
теряя
полки.

Он трубит...
И стоит неподвижно парад,
Он трубит,
Прославляя борьбу,
И двадцатому году
Давно уж пора
Затрубить
в боевую
трубу.

Артиллерия бьет,
Кони пляшут галоп,
Над полками разносится марш,
Будто Фрунзе встает,
Чтобы взять Перекоп,
Посылая полки
За Сиваш.

„Это есть наш последний
И решительный бой!"
Пусть в огне
И в дыму горизонт,—
Мы зальем,
Мы потушим
Над нашей страной
И Восточный
И Западный фронт.

Дни боев и побед!
Эти дни пронеслись
Над твоей,
Над моей головой...
Неподвижен парад,
И за трубы взялись
Двадцать первый
И двадцать второй...

Плотно сомкнуты звенья
Железных рядов,
Неподвижен
стоит
мавзолей,

И стоят,
И трубят
Десять славных годов,
Десять славных
Трубят
Трубачей...

Десять лет трепетала
Над нами борьба,
Хлопотала
под знаменем
смерть...
О жестоких боях
Вспоминает труба,
Раскаляя
военную
медь.

БУДЕМ ХОРОШИМИ КРАСНОАРМЕЙЦАМИ

Бесстрашно расстреливаем „врага" из... деревянного пулемета

В ГОСТЯХ

20 января вечером, придя из школы, я, быстро закусив, почти выбежал на улицу. Около ж.-д. библиотеки стояли подводы, на которых мы должны были поехать в Кавполк. Здесь же толпились комсомольцы, школьники, пионеры и, звонко смеясь, разговаривая, усаживались на сани. Минут через пять лошади быстро понесли за город. Вскоре подъехали. Встретили нас радостно, приветливо. В казарме чистота, порядок, дисциплина. Сейчас красноармейцы отдыхали. Весело „пиликала" гармошка, и вскоре наши пустились в пляс. А в это время готовились к выступлению. Началось. Выступили докладчики, указывавшие разницу между старой и новой армиями, об утрате великого вождя, с жаром говорили, что мы до конца не сдадим завоеванных позиций. И мы слушая, точно наэлектризовались. И в душе каждого зарождалось то упорство, с которым побеждают на военном и хозяйственном фронтах. После этого была маленькая инсценировка на смерть Ленина, и уж когда кончили, часы упорно лезли к одиннадцати ночи. Дружески пожав руки, расстались.

Александр Торгашов

„ДО СВИДАНИЯ!"

Сегодня последний день в лагере. Сегодня прощальный вечер краснофлотцев и пионеров.

Тов. Шах от имени краснофлотцев-водолазов преподносит пионерам морской уголок.

— Вот вам уголок. Учитесь, изучайте вот эти узлы, будьте достойной сменой краснофлотцам. Будьте готовы сменить нас, военморов!

— Всегда готовы!—как один отвечают пионеры.—Связь наша с вами будет неразрывна. Пусть мы будем далеко, но есть письмо, оно вам будет сообщать о нашей будничной работе и жизни. Вас же мы приглашаем к нам в Симферополь. Приезжайте! Будем ждать вас с нетерпением.

Вечер самодеятельности проходит живо и интересно. Втягиваются краснофлотцы, никогда не принимавшие участие в вечерах. Хочется подольше побыть вместе.

Не даром краснофлотцы заявляют:

— Вы уезжаете, мы остаемся как бы осиротелыми. Но нас утешает одно: что вы нам будете непрерывно писать, мы ж вам будем непременно отвечать.

Часы показывают одиннадцать с минутами. Время позднее—пионерам уже давно пора спать.

Каждый пионер берет себе подшефного краснофлотца, с которым будет переписываться.

— Как ваша фамилия, товарищ?—подбегает пионер к военмору.

— А ваш адрес?

От „газа" противогаз (сам сделал), а на „врага" пулемет... тоже сам сделал

— Писать вы мне будете?

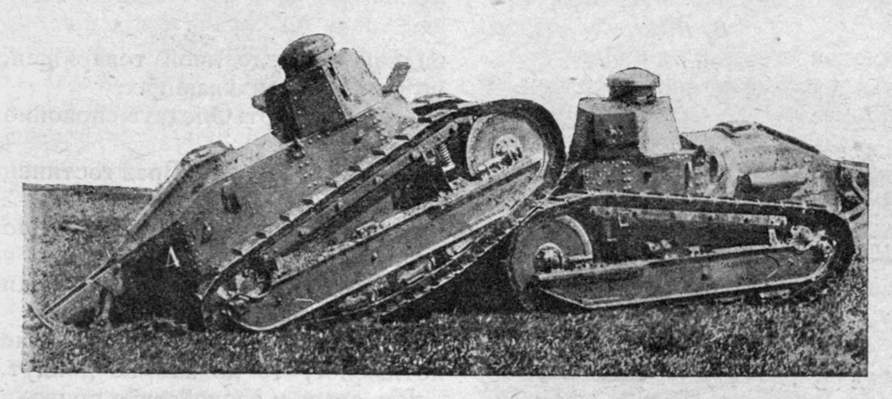
— Непременно пишите.

Утро. Стройными рядами подходят краснофлотцы к пионерскому лагерю проводить ребят до трамвая.

Мы в пути. Вспоминаешь данное обещание — „писать". Мысленно прикидываешь: кому же писать? „Нестолю, Задорожному, Ильину, Гребеньчуку, Казанюку..." их много. Со всеми ты был, как с родными братьями, всем ты обещал писать. И выполнить надо. Светло в памяти стоит вчерашний вечер.

Л. Чудаков

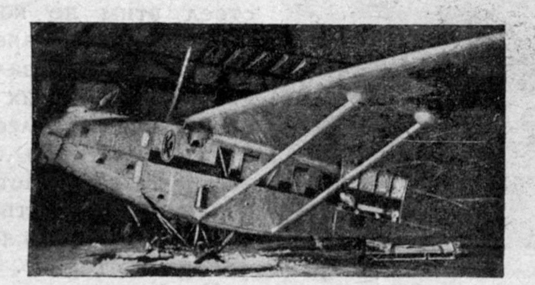
СО ВСЕГО СВЕТА

Два „вражеских“ танка, встретившись „в бою“ на маневрах, вступили в поединок

Машина для рытья канав, приспособленная для военных целей, роет окопы

Наш большой военный санитарный самолет. Так как он очень быстро двигается, то санитарная команда может обслуживать большую военную часть

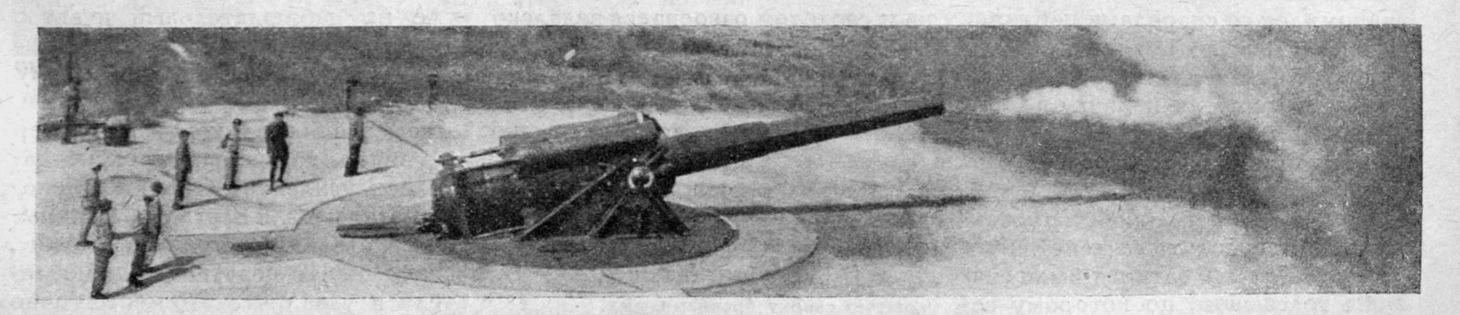
Краснофлотцы заряжают минный аппарат. Такими минами взрываются вражеские корабли

Слева на рисунке показан солдат американской армии в нынешнем полном походном снаряжении. Справа—тот же солдат в полном походном снаряжении, применявшемся несколько лет назад. Как видно из рисунков, новое снаряжение гораздо меньше. Чем меньше груз—тем меньше устает солдат, тем он боеспособнее

Погрузка боевых припасов на американское военное судно. Груз на пловучей платформе подается к борту судна

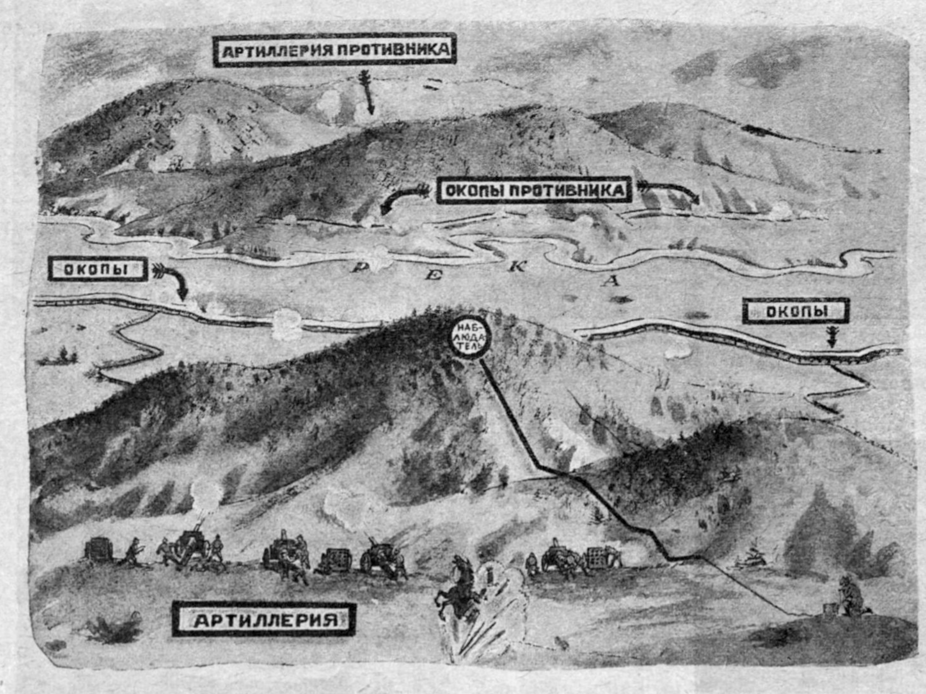

Американское дальнобойное орудие на вращающейся площадке

КТО СКОРЕЕ?

ЗВУК ВЫСТРЕЛА И ПОЛЕТ СНАРЯДА

В. В.

Место действия артиллерии

МОЕ ЗНАКОМСТВО СО СНАРЯДАМИ

Конечно, я не впервые увидел снаряды на войне. Я их не только видел, но даже изучал задолго до войны в стенах военного училища. И, однако, что знал я о них? Лишь то, что это стальные „стаканы“, наполненные взрывчатым веществом или пулями, и что летят они с громадной скоростью, неся с собой смерть или увечье. Правда, я видел издали, как рвутся различные снаряды, но это было так далеко от меня и так интересно, что мысль о тех, кто оказался бы вблизи рвущегося снаряда, не приходила даже в голову. И вот я на войне! Сижу на батарее и жду, когда прикажут мне „открыть огонь“, т.-е. послать десяток-другой снарядов в стан врага. Однако, враг перегнал нас, и скоро на нашу батарею стали залетать стальные гостинцы с грозной начинкой. Вот тут-то я и познакомился со снарядами поближе. Расскажу все по порядку.

Наша батарея стояла за холмами, километрах в двух от передовых пехотных окопов. В этих окопах, прямо перед батареей, был наш „наблюдательный пункт“, т.-е. место, с которого наши наблюдатели могли следить за действиями врага. Пункт и батарея были связаны телефоном, по которому велись все нужные переговоры. Батарея стояла на позиции не первый день, поэтому наши наблюдатели успели уже заметить, где расположены пушки противника. Мало этого, по звуку выстрелов орудий они умели даже предсказать, какая батарея и куда стреляет.

И вот в 12 часов дня, когда на батарею привезли обед, внезапно загудел[1] телефон, и наш телефонист громко закричал: „Летит!“

Я сразу даже не понял, что летит. Куда летит? Думал, аэроплан. Смотрю, все подняли головы кверху и слушают. Прислушался и я. Слышу, что-то гудит; звук быстро приближается и становится все сильнее и сильнее. На душе стало как-то тревожно, но все сидели за своими земляными столами,—сидел и я. Вдруг люди противоположных от меня орудий быстро вскочили и спрятались в блиндаж[2]. Остальные спокойно продолжали обедать. Еще мгновенье—и снаряд с ужасным грохотом разорвался недалеко от крайнего орудия. Со всех сторон запели „шмели“—высоко разлетающиеся осколки. Мне очень хотелось спрятаться, но было стыдно сидящих передо мной товарищей, шутливо покрикивающих:

— Ишь, чорт! Обедать спокойно не дает.

— Закрой рот-то! Враз гостинец влетит.

— Это не к нам. Сегодня он по шестому орудию бьет.

— К нам не к нам, а шмели летают.

— Они вишь высоко, а какие потяжелее, те до нас не дойдут.

Их опыт и спокойствие привели меня в восторг. Вот эти действительно знакомы со снарядами! Обстрел этим не кончился. Через 5 минут на батарее или вблизи ее падали и рвались снаряды. О каждом из них мы получали извещение по телефону, слушали, куда он летит, и либо прятались все дружно, если летел на середину батареи, либо часть оставалась наверху, если было ясно, что снаряд упадет в стороне.

Задумавшись о всем пережитом в этот день, я понял, что стрелявшая батарея противника стояла от нас далеко и скорость полета ее снарядов была сравнительно невелика (батарея „тяжелая“, бросающая крупные снаряды с небольшой скоростью). Поэтому, потеряв часть скорости в пути (от сопротивления воздуха), снаряд летел над нашим наблюдательным пунктом и перед падением на батарею со скоростью 200—150 метров в секунду. Звук же, как известно, проходит около 330 метр. в секунду. Естественно, что звук выстрела орудий доходил до наблюдателей раньше снаряда, и они успевали предупредить батарею о гостинце. Звук самого снаряда (свист от трения о воздух) также перегонял снаряд—и мы могли, прислушиваясь к нему, определить примерно место его падения.

НАПРАСНОЕ СОЖАЛЕНИЕ

На другой день меня послали уже на наблюдательный пункт с приказом следить за всякими движениями врага и не давать ему работать или выходить из окопов. Днем все было тихо. Но под вечер я увидел, как в одном окопе началось усиленное движение. Человек 10 вылезли наружу и, прикрываясь стенами обгоревшей избы, стали что-то делать. От наблюдателя я узнал, что это место точно

---

[1] Полевые военные телефоны имеют вызов не звонком, а особым пищиком-гудком.

[2] На позиции у каждого орудия делают блиндаж—врытую в землю и прикрытую сверху бревнами яму.

пристреляно батареей, т.-е. достаточно подать известную команду, чтобы снаряд попал как-раз около обгоревшей избы. Вспоминая вчерашний наш обед под обстрелом, я решил, что вреда мой снаряд не причинит, но попугать—попугает. Подал команду. Внимательно смотрю в бинокль на врага. Жду звука выстрела. И вдруг перед избой, почти среди спокойно работавших солдат, взлетела вверх земля. И тотчас один за другим я услышал: выстрел, свист снаряда и разрыв...

Недоумение мое было не меньше, чем вчера. Я продолжал глядеть в бинокль и, лишь только дым разрыва рассеялся, увидел несколько убитых или раненых вблизи избы. Так значит они ничего не слышали! Снаряд свалился к ним, как снег на голову. Но почему? Ответ нашелся в таблицах стрельбы, из которых я узнал, что наша пушка (76 мм, пушка обр. 1902 г.) посылает снаряд с такой скоростью, что более 2 километров он летит быстрее звука. А именно, начальная скорость его полета 588 метров в секунду, в конце одного километра он имеет скорость 428 метр. в секунду и в конце второго километра скорость его все еще около 340 метр. в секунду. А так как я стрелял по окопам противника, до которых было едва 2 килом., то и вышло, что снаряд перегнал звук выстрела и звук своего полета.

Тут только я понял, как неприятно попасть под близкий огонь нашей пушки и какую пользу приносит иногда звук на войне.

БЕСЦЕЛЬНЫЙ ПОКЛОН

Однако, и этим мое знакомство со звуком и его значением на войне не кончилось. Рассерженные моим выстрелом, солдаты противника открыли пальбу из ружей. Очевидно они догадывались, где наш пункт, так как пули все время летали над головами и цокали по камешкам вблизи окопа. Я спрятался в окоп, но из окопа ведь ничего не видно. Пришлось нет-нет да и выглядывать, чтобы не прозевать какой-нибудь хитрости с их стороны. Высунусь я на минутку, а чуть услышу знакомый свист пули, сейчас скорей назад, в окоп. А другой раз не успеешь сразу спрятаться, так непременно наклонишь голову при звуке пули. Прячусь я и кланяюсь, а наблюдатель, старый, опытный солдат, нет-нет и улыбнется, глядя на меня.

— Трудно не поклониться, а кланяетесь-то ведь зря.

— Как зря? А вдруг влетит в лоб!

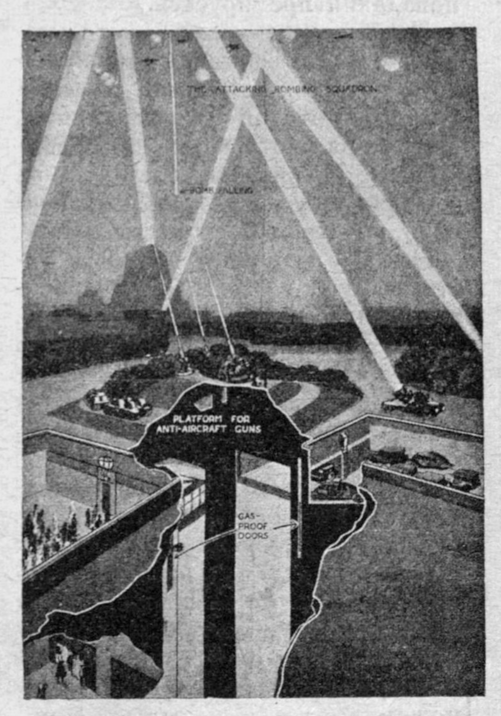
— Уж если влетит, так не успеете и поклониться. Пуля ведь раньше своего свиста идет.

Вспомнил я все предыдущие уроки, схватился за таблицы стрельбы и вижу, что прав мой наблюдатель. Пуля вылетает со скоростью более 800 метров в секунду (у нашей винтовки 880 м в сек.). Где уж тут звуку перегнать ее! Не только на сотни шагов, как были от меня стрелки, но и на километр и на два, и даже на три звук все еще отстает от пули. А дальше 2 км обычно никогда и не стреляют. Выходит, что поклон пуле всегда бесцелен и лишь показывает оказываемый ей почет и благодарность за то, что пролетела мимо. Ведь слышим мы свист пролетевшей уже мимо нас пули.

Вот как наглядными уроками война дала мне знания, которые от многих скрыты обычно просто по недогадливости, а иногда и по забывчивости о различии в скоростях снарядов, пуль и звука.

ПРОТИВОГАЗОВЫЙ ГОРОД

Л. Г.

Город готов к атаке

2.000 тонн газа достаточно, чтобы покрыть „мертвой пеленой" такой большой город, как, например, Лондон.

Современный аэроплан-бомбовоз может поднимать до шести с половиной тонн бомб, не считая команды и снаряжения. Флотилия таких бомбовозов, поднимаясь на большую высоту, может разрушить, стереть с лица земли целый город или, если бомбы газовые, может задушить город отравляющим газом.

Вот почему в войнах будущего главную роль будут играть отравляющие газы и аэропланы.

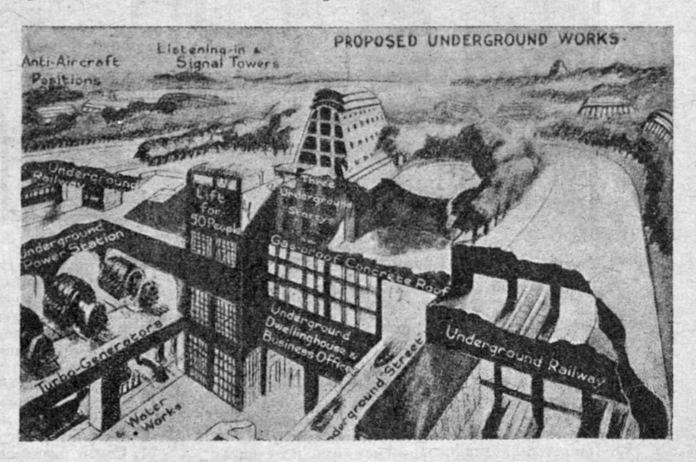
Военная техника, изобретая все новые и новые разрушительные средства, в то же время заботится и о средствах защиты.

В одном из новых американских журналов помещены рисунки „противогазового" города.

Уже теперь в проектах новых построек домов в обычных городах предусматривают устройство новых газоубежищ в подвальных помещениях дома. В случае газовой атаки население дома может укрыться в таком помещении, в которое отравляющий газ не может проникнуть, а воздух очищается специально устроенными вентиляторами. Но техника идет дальше: проектируются не только газоубежища, но целые поселения, военные и гражданские, под землей, дома, улицы, крепости—целый город.

Надземные части построек тщательно замаскированы насаждениями и рельефом почвы. Также замаскированы сигнальные башни и платформы с зенитными орудиями.

Необходимые строения над землей устраиваются конусообразной формы, чтобы представлять собой возможно меньшую мишень для бомб аэропланов.

Разрез противогазового города

ВОЕННЫЙ СМОТР

А. СМИРНОВ

Как лучше проверить участие пионеров в укреплении обороноспособности СССР?

Как неорганизованным показать военную работу пионеров?

Оказывается, проще и интереснее всего организовать выставку—смотр военной работы пионеров. Поставьте оборудование выставки своей задачей и приступайте к делу.

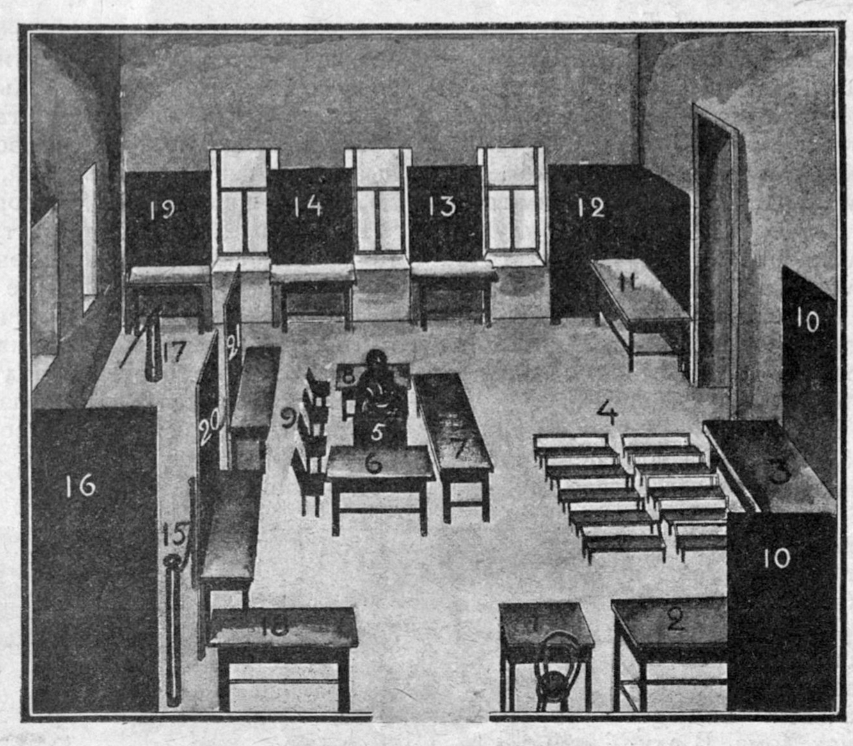
Зал школы или клуба—подходящее место для выставки. Распланируйте отделы выставки в зале и начинайте оформление самих отделов (см. чертеж).

Стены вы украшаете лозунгами: „Через жертвы и победы Красная армия подошла к мирному строительству, дала возможность тебе учиться и развиваться. Люби Красную армию", „Дисциплина—рычаг, без которого нет армии. Дисциплина в пионер-отряде—винтик, без которого нет работы" и др. В каждом отделе свои лозунги. Вот, например, в стрелковом отделе такой: „Участвуй в стрелковом кружке, развивай меткость глаза", в отделе связи: „Помни, что связь—глаза, уши и нервы всякой армии" и т. п.

Что должно быть в отделе? Прежде всего факты вашей военной работы. Допустим, отдел топографии состоит из планов, заснятых пионерами, таблиц топографических знаков, самодельных планшетов, линеечек для визирования, компасов, рельефных (выпуклых) изображений местности.

Однако, такое оформление отдела—мертво. Обязательно следует, чтобы в каждом отделе дежурили пионеры-специалисты (санитары, топографы, сигналисты, радио-техники и т. п.) и рассказывали бы экскурсантам—что, как и для чего делается.

В центре зала—бюст В. И. Ленина, задрапированный красной материей. Около—столы с книгами о военной работе, о Красной армии и альбомами. Альбомы очень полезно сделать отряду. Берутся фотографии, красивые вырезки из журналов, рисуются диаграммки, карикатуры, таблицы, отдельные статейки и заметки—наклеиваются на паспарту (толстая цветная бумага), и—ваш альбом готов...

1. Столик для дежурного.
2. } Отдел работы санитарных кружков (самод.
3. } аптечки, носилки, лубки, литература).
4. Скамьи (здесь сидят экскурсанты во время бесед).
5. Бюст В. И. Ленина.
6. } Столики с альбомами вырезок, военной ли-
7. } тературой, журналами и т. п., материал о ла-
8. } герях и военных походах и играх пионеров.
9. Стулья для отдыхающих и читающих.
10. Плакаты, таблицы, фото-монтажи по санитарии, гигиене и первой помощи.
11. } Отдел сигнализации. Самодельные сигналь-
12. } ные приборы. Плакаты. Условные сигналы.
13. Отдел топографии.
14. Отдел военно-химического дела.
15. Барьер, служащий оградой на „линии огня".
16. Щит с различными мишенями.
17. Упорный станочек для стрельбы.
18. Отдел новостей в военной работе пионеров.
19. Отдел стрелкового спорта.
20. Материалы о местной воинской части (стенгазеты, история, фотографии).
21. Связь пионеров с Красной армией и флотом (письма, таблицы, воспоминания и т. д.).

Возле какой-либо стены вы устанавливаете скамьи. Эти скамьи предназначаются для экскурсантов, когда с ними будут проводиться беседы или демонстрироваться какие-либо приборы, например, противогаз, самодельные носилки, устройство отрядной аптечки, различные фигурные мишени для стрельбы. Непременно следует организовать такие беседы: врач расскажет о первой помощи, специалист — о работе аппарата Морзе и телефона, инструктор стрелкового спорта—о правильных приемах стрельбы и т. д.

Часть залы отводится специально для стрелкового комнатного тира. У стены, где нет окон, ставятся щиты с разнообразными мишенями: в виде фигур (дядя Чемберлен, капиталист, Муссолини) и концентрические — кругами. Расстояние стрельбы дробинкой из мелкокалиберных ружей 10 — 15 шагов. Под руководством инструктора можно устраивать конкурсы между звеньями, давая на каждое звено одинаковое количество патронов и разбирая результаты. Звено с наибольшим количеством попаданий премируется.

На выставке должно быть уделено больше внимания жизни, быту и истории той части Красной армии, с которой связаны отряды. Письма из флота, красноармейские стенгазеты, рисунки и плакаты из военных ленуголков должны занимать почетное место в отделе.

Надо стремиться, чтобы выставка лучше отразила оздоровительную деятельность пионеров. Здесь необходимы и сведения о здоровье и такие вещи, как самодельные лыжи, коньки, санки и модели горок, зимних площадок, катков и пр.

Трудно сделать такую выставку,—скажут некоторые пионеры.

„Легко—хорошо не бывает", так говорит русская пословица. Но все же при желании и энергии пионеров двух-трех отрядов такую выставку смотра достижений пионеров организовать вполне возможно.

Подумайте хорошенько, обсудите подробно и приступайте к делу. А успех выставки, особенно у неорганизованных детей, обеспечен заранее...

Прививайте новые формы „военных смотров" по пионерской организации.

КАК ВОЕВАЛИ РАНЬШЕ И КАК ТЕПЕРЬ

Очерк В. ВНУКОВА

Рисунки Б. ПОКРОВСКОГО

Сухопутное парусное военное судно

КУЛАК, ДУБИНА ДА КАМЕНЬ

Первобытный человек имел простое оружие: кулак, дубинку да камень. Враг далеко—бросил в него камнем. Враг поближе—в ход идет дубинка. Враг совсем близко—выручает лишь кулак. Но в это время средством сообщения были только ноги, средством связи—голос, а единственной машиной—руки.

По мере же развития техники росла и военная техника. С каждым столетием множилось и усложнялось оружие. Каждое новое открытие в науке несло с собой новое средство нападения и защиты.

ХОЛОДНОЕ РУКОПАШНОЕ ОРУЖИЕ

Однако и теперь еще есть виды оружия, немногим отличающиеся от первобытных: шашка, тесак, пика и штык недалеко ушли от сабель, мечей, копий, алебард и прочих приспособлений для поражения врага вблизи, когда он вплотную подошел к бойцам. Разница в том, что раньше бои вели одним лишь этим оружием, теперь же применяют его редко, только в самых крайних случаях.

МЕТАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Желание поразить врага издали на самых первых шагах жизни человечества породило мысль о метании различных предметов. Вначале это был камень, брошенный рукой, потом камень, брошенный из пращи, затем стрела и лук, еще позднее „баллиста“ и „катапульта“. Последние, являясь первыми артиллерийскими орудиями, появились тогда, когда люди научились строить города и крепости, стены которых не могли пробить ни стрелы, ни камни, брошенные рукой. Если не помогали катапульты, подвозили к стенам „таран“, большое тяжелое бревно которого пробивало брешь в стене.

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Но вот узнали люди порох, а позднее научились отливать прочные стволы оружия из бронзы и стали. И быстро все виды метательного оружия вытеснило о г н е с т р е л ь н о е оружие, царствующее на полях сражений и в наши дни.

Сила пороха так велика, что легкая современная винтовка (ок. $4^1/_2$ кг) бросает пулю на 3—4 километра, легкое орудие (весом ок. 2.000 кг, возится 6 лошадьми) забрасывает снаряды весом до 23 кг на 7—8 км, а различные тяжелые орудия стреляют нормально на 25—30 км бомбами до 800 кг. В последнюю войну появились пушки, стреляющие и еще гораздо дальше: на 100—120 километров. Естественно, что при наличии таких орудий оказались ненужными не только катапульты и таран, но даже и сами крепости [1], стены которых пришлось бы делать слишком толстыми, чтобы их не мог пробить снаряд.

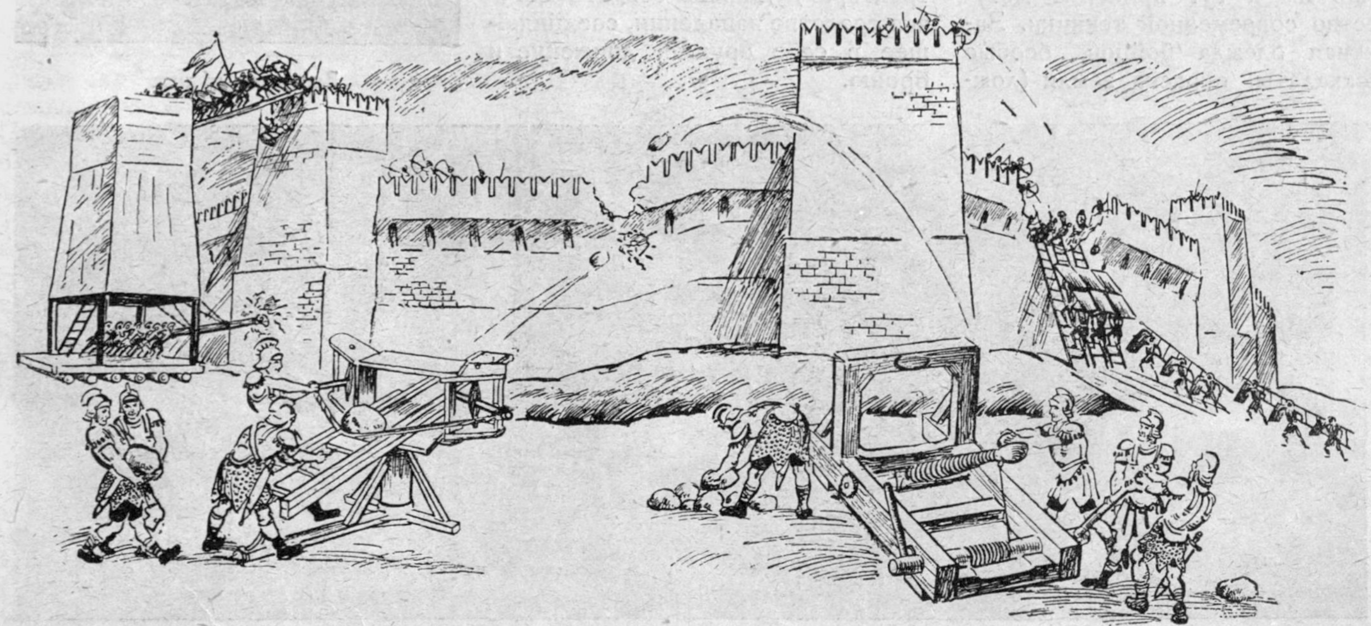

Дедушка современного танка

Кроме громадного выигрыша в дальности, огнестрельное оружие дает еще целый ряд преимуществ. Если раньше для каждого броска из катапульты или выстрела из лука нужно было затратить несколько минут, то современные образцы оружия могут выпускать до 600 пуль (пулеметы) или до 10—15 снарядов (легкие пушки) в минуту. При этом достигнута такая автоматичность, что человеку часто остается только наблюдать и управлять действием машины, делающей все силой пороха или электричества (большие орудия на кораблях и на береговых укреплениях).

Таким образом, и обслуживание современных орудий требует во много раз меньше людей, чем раньше. Нечего и говорить о той разнице, какая наблюдается в разрушительном действии снарядов

[1] В наши дни крепости не совсем еще утратили свое значение. Но они так непохожи на крепости прошлого, что их правильнее называть укрепленными районами.

Осада крепостных стен. Слева—баллиста, справа—катапульта

Маскировка орудий. Они замаскированы сеном

по сравнению с камнями и даже ядрами далекого прошлого. Разрыв одного снаряда большой современной пушки может разрушить целиком древнюю крепость.

СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ОТ МЕТАТЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Легко и просто было укрыться прежде от стрел, камней и копий. Щит, кольчуга, панцырь, шлем вполне предохраняли бойца. А в деревянных башнях и колесницах можно было почти без риска подъехать к стенам крепости.

Теперь же самый лучший стальной щит в конечном итоге не может защитить от прямого попадания снаряда, а лишь предохраняет от его осколков и от пуль. Поэтому на современном поле боя почти не видно людей. Все либо зарылись в землю (окопы, блиндажи) либо стараются укрыться за всякой складкой местности.

Уменье спрятаться и обмануть врага всегда играло роль в бою. Но никогда это уменье не имело такого громадного значения, как сейчас. Целая особая отрасль военного дела—маскировка—занимается изучением возможности обмануть противника и скрыть от него свои действия и замыслы. Люди на войне играют в прятки не хуже малышей. При чем на помощь им и тут приходит могущество современной техники. Защитная одежда бойцов, особые маскхалаты, окраска земли (ложные окопы), всех орудий и военных повозок, искусственные наблюдательные пункты—все это немногие лишь из средств маскировки, известные войскам в современной войне.

БОЕВЫЕ КОЛЕСНИЦЫ

Однако близко и незаметно подойти к противнику не позволяет

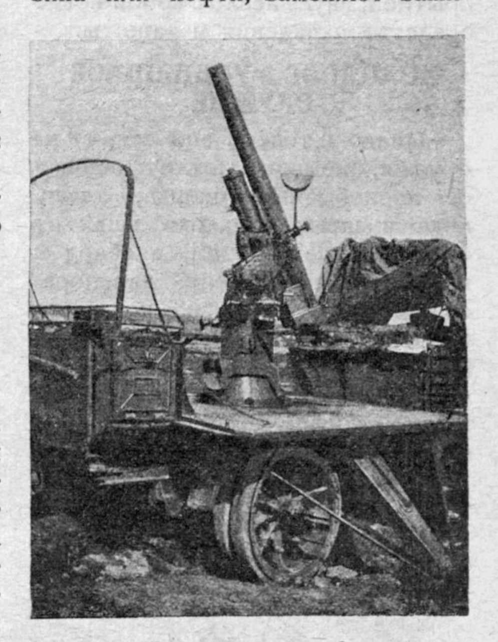
Командиры в халатах замаскированы под цвет снега

и маскировка. Тут на помощь бойцам приходит подобие древних подвижных башен и колесниц—современная боевая колесница: танк.

Танк „ползет“, не разбирая дорог, оврагов, рытвин, молодого леса, невысокого забора и т. п. Скорость его движения 8—10 км в час. Стальная броня танка предохраняет его бойцов от пуль и осколков снарядов. На себе танк несет или несколько пулеметов или небольшую пушку и пулемет. Таким образом, и здесь, благодаря изобретению двигателя внутреннего сгорания и заменяющих колеса „гусениц“ (как иногда на тракторах) удалось создать могучее средство нападения, соединяющее в себе оружие, движение и броню.

ХИМИЯ НА ВОЙНЕ

Как только люди узнали огонь, они почти тотчас же стали применять его и на войне. Можно сказать, что это были первые шаги военной химии. Поджечь крепость помощью горючих материалов (смола и пакля), сложенных под стеной или заброшенных стрелами и катапультами внутрь ее; вылить горящую смолу или расплавленный свинец на осаждающих; поджечь серу и едким дымом ее выкуривать врага—все это использовывалось очень и очень давно. Но все это—игрушки по сравнению со средствами, которые предоставила современная химия в распоряжение войск. Отравляющие вещества, густыми облаками выпущенные из особых баллонов или заброшенные в стан врага внутри снарядов, причиняют теперь не мало хлопот в бою. А специальные „огнеметы“, выбрасывая горящую струю бензина или нефти, заменяют зажи-

Зенитная пушка

Примерная газовая атака на Октябрьском поле в Москве. Впереди огнеметы

гательные и огневые средства древних. Кроме того, есть зажигательные снаряды, которые отлично могут поджечь все, способное к горению, на десятки километров перед собой.

ВОИНА ВЕЗДЕ

Наконец, нельзя не упомянуть о том, что теперь ведут войну не только на земле и на воде, но и в воздухе и под водой. Все знают, какое громадное значение имеет авиация и воздухоплавание в современной войне. Такое же значение приобрели и подводные лодки, завоевавшие еще одну стихию, недавно недоступную человеку. В итоге, теперь война ведется везде, и нет такого места на земле, куда не проник бы человек, где его не в силах была бы достать военная техника.

СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ

Попутно с развитием различных средств нападения техника всегда находит и защиту от них. Если раньше щит, панцырь и шлем делали бойца неуязвимым, то теперь умелая маскировка, щит из земли (окоп), бетон и железо, сталь и противогаз также не плохо защищают бойцов от всех опасностей. Появился аэроплан, и тотчас появились особые „зенитные пушки", специальные установки для стрельбы из пулеметов вверх, прожектора для освещения неба ночью и много других средств защиты от нападения сверху. Появились удушливые газы—и быстро нашли противогаз и даже специальную одежду, предохраняющую от отравляющих веществ. И так везде и во всем. Техника дает нам и средства нападения и защиту от них. Плохо бывает лишь тем, кто вовсе не знает военной техники или не учтет ее значения.

Чтобы знать военную технику, надо прежде всего знать технику, вообще. Грамотный технически человек без труда поймет все, с чем ему придется иметь дело в случае войны.

Бой римлян с галлами *(К очерку „Как воевали раньше и как теперь")*

ВОЕННЫЕ ЗАДАЧИ

1) ОТКУДА СТРЕЛЯЕТ ПУШКА

Очень часто на войне бывает важно возможно точнее определить место, откуда стреляет неприятельская пушка. Существует несколько способов решения этой задачи.

Мы приведем здесь простейшие.

Наблюдатель ночью ясно видит „вспышки" стреляющего орудия и слышит звук каждого выстрела. Свет распространяется с такой большой скоростью (вспомни, с какой именно), что при расстояниях в несколько километров с ней можно вовсе не считаться. Звук же, в зависимости от состояния воздуха, распространяется со скоростью от 312 до 351 метра в секунду. Положим, что температура воздуха 16° Ц и влажность его „средняя" (ок. 70%). При этих условиях скорость звука в воздухе равна 340 метр. в секунду. Теперь пусть наблюдатель по секундомеру заметил, что звук выстрела слышен после вспышки в среднем через 7 секунд. Как далеко от наблюдателя находится стреляющая пушка? Зная расстояние до пушки, мы все же не знаем, где именно она находится, так как направление по звуку без особых приборов определить очень трудно, а вспышка выстрела обычно видна подобно зарнице, поэтому и по ней судить о направлении затруднительно. В таких случаях довольно точный ответ можно получить, наблюдая стрельбу с двух пунктов, расстояние между которыми точно отмерено. Немного знаний по геометрии—и ответ готов. Предлагаем решить эту задачу по следующим данным. Между наблюдателями А и Б расстояние 1 километр. Стреляющая пушка находится в стороне, где показан противник. Наблюдатель А слышит звук выстрела через 5 секунд после вспышки, а наблюдатель Б—через $6^1/_2$ секунд. Скорость звука считать 340 метр. в секунду. Определить на чертеже, где стоит стреляющая пушка (масштаб чертежа: 5 сантиметров = 1.000 метров, т.-е. $^1/_{20.000}$).

2) СКОЛЬКО ОБОРОТОВ ДЕЛАЕТ ЛЕТЯЩАЯ ПУЛЯ

Некоторые современные двигатели вращаются с громадной скоростью, делая до 30.000 оборотов в минуту (паровые турбины). Попробуйте вычислить, что вертится быстрее: вал такого двигателя или летящая пуля?

Чтобы решить эту задачу, надо узнать, в какой промежуток времени и сколько оборотов делает пуля в канале ствола винтовки. Известно, что пуля из нашей трехлинейной (калибр 3 линии) винтовки вылетает со скоростью 880 метров в секунду, а длина пути пули в стволе 0,65 метра.

Отсюда нетрудно вычислить—сколько времени находится пуля в стволе после выстрела. Скорость пули от 0 дошла до 880 метров в секунду, значит „средняя скорость" ее в стволе равна 880 : 2 = =440 метр. в секунду. Путь пули 0,65 метра, значит время пребывания ее в стволе получим, разделив 0,65 на 440; 0,65 : 440 = 0,00147 сек. $= \frac{1}{680}$ сек. (проверь). В канале ствола нарезы делают около трех оборотов, т.-е. пуля до вылета успеет повернуться три раза.

Вот и высчитай, сколько же оборотов делает она в секунду и в минуту.

Число получится очень большое.

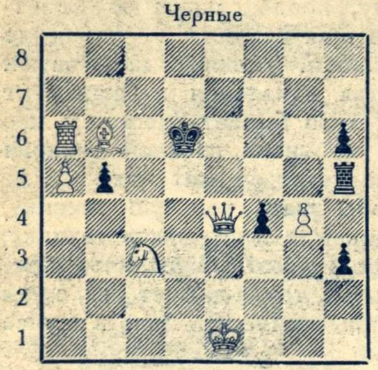
Цена 20 коп.

7101

ШАХМАТЫ

Задача

Черные

Белые

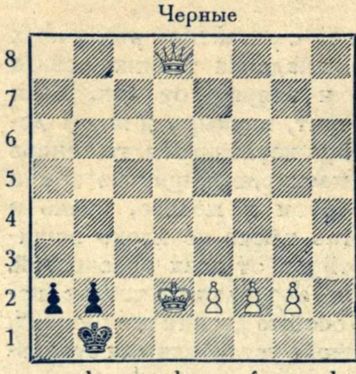
Белые. Кр e1, Ф e4, Л a6, С b6, К c3, п a5, g4.

Черные. Кр d6, Л h5, п b5, f4, h6, h3.

Бел. нач. и дают мат в 2 хода.

Этюд № 3

Черные

Белые

Белые. Кр d2, Ф d8, п e2, f2, g2.

Черные. Кр b1, п a2, b2.

Белые начин. и выигрывают.

ЗАДАЧА

СКОЛЬКО СНАРЯДОВ?

Предложил **Г. Тазенков**
(Дубровский поселок)

Во время гражданской войны, перед боем, на позиции подвезли снаряды. Командир полка спросил своего помощника, который наблюдал за подвозкой ядер, сколько ядер подвезли. Помощник ответил: „Точно я количества снарядов не помню, но видал, как они сначала лежали в виде квадрата, а потом их уложили в виде пирамиды с квадратным основанием". После такого ответа командир полка математическим путем узнал сколько было снарядов.

Сколько же их было?

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДКОЛЛЕГИЯ. Изд. № 2577 **Отв. редактор** *Н. СЛЕПНЕВ.*

Москва. Главлит А 8199. 16-я типография „Мосполиграф", Трехпрудный, 9. Тираж 27.000